

Вадим Климов
Два дня неизвестности

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вадим Климов

Два дня неизвестности

«Автор»

2026

Климов В. А.

Два дня неизвестности / В. А. Климов — «Автор», 2026

«Два дня неизвестности» — сатирический роман-гротеск, где в закрытом советском квартале живёт выдумщик Слава, чья рутинная жизнь рушится после нелепой проверки. Параллельно в мире происходят абсурдные события: таинственные Чудаки, зима, которая не пришла, битвы кавалерии и вертолётов, история про убийцу котиков и многое другое. Сквозь цепь причудливых сюжетов автор иронично исследует человеческие страхи, мифы и абсурдность систем. Идеально для любителей чёрного юмора, сатиры и неожиданных поворотов.

© Климов В. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Выдумщик Слава	7
Битва	9
Зима не пришла	11
Убийца котиков	13
Стариковские сказки	16
Мальчик из спичечного коробка	19
Стыд	22
Люди перестали умирать	25
Пропала связь	28
Конная армия объединенной бригады	31
Самый секретный военный округ	34
Духи	37
Птицы	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Вадим Климов

Два дня неизвестности

Кунсткамера эпохи «после»

«Два дня неизвестности» – это не роман в привычном смысле. Это больше похоже на акт литературного археолога-расхитителя, который раскопал гигантский культурный слой и вывалил его на стол, не сортируя по эпохам, жанрам и смыслам. Здесь всё вперемешку: советский социальный реализм вязнет в магическом фэнтези, абсурдная бюрократическая сатира оборачивается постапокалиптическим триллером, а камерные истории о потере и стыде тонут в эпических баталиях с невидимым врагом.

Автор не просто смешивает – он взбалтывает. В одной главе мы наблюдаем за трогательно-болезненной рефлексией выдумщика Славы, лишенного своей маленькой утопии, а в следующей – за кавалерийской атакой на «Чудиков», описанной с эпичным размахом, достойным толкиновских хроник. Здесь «Главный конструктор» соседствует с шаманом, а криптомошенник спорит о будущем с призраком члена политбюро. Этот прием – не хаос, а жесткая система. Он отражает мир, который сам потерял сюжет, мир, где все реальности – постиндустриальная, мифологическая, административная, цифровая – существуют одновременно, наслаиваясь и отменяя друг друга. Где потеря связи, зимы или смысла – симптомы одной и той же болезни распада большого нарратива.

Главный герой здесь – сама территория, этот странный закрытый мир-матрешка, где заводской поселок под стальным саркофагом сосуществует с тайным военным округом времен скифов, а местное море бороздят катера, купленные на японском аукционе. Это мир, который давно научился жить в условиях тотальной симуляции: здесь включают дождь по расписанию, снег запрещен как экономически нецелесообразный, а духов угощают водкой и песнями Пугачевой. И когда эта хрупкая, отлаженная десятилетиями симуляция дает сбой (зима не приходит, связь пропадает, появляется Чудь), система не ломается, а начинает генерировать новые, еще более причудливые симулякры: конные армии, охоту на кошачьего убийцу, поиски места силы через приложение.

Стиль автора – это особая гордость. Он холоден, ироничен и до зубовного скрежета точен в деталях, будто то ли составляет технический отчет, то ли пишет фольклорную хронику. Эта нарочитая, почти бюрократическая бесстрастность делает абсурд – будь то летящие по степи «Еврики» или банщик, выигранный в салочки у президента, – не комичным, а леденяще-естественным. А когда сквозь эту броню проступает лиризм (как в главах о Ларисе, ждущей любви, или о мальчике с коробком), он бьет с удесятеренной силой.

В конечном счете, «Два дня неизвестности» – это грандиозный, утомительный, блистательный и абсолютно безнадежный пазл. Читатель, как и жители этой территории, обречен собирать его, не имея картинки-образца. Мы видим осколки: личные драмы на фоне глобального коллапса, мелкие предательства и большой абсурд. Но целое ускользает. Что такое Чудь? Технологический сбой? Возвращение вытесненного исторического ужаса? Коллективная галлюцинация общества, лишенного будущего? Автор не дает ответа. Он лишь констатирует: неизвестность наступила. И длится она уже гораздо дольше двух дней.

Это неудобная, раздражающая, чрезмерная книга. Она требует от читателя слишком многого: терпения, готовности заблудиться, отказа от привычки искать мораль и развязку. Но именно поэтому она – возможно, самый честный памятник нашей эпохе. Эпохе, которая сама стала послесловием к непонятно какой книге, бесконечным «днем безвестности», где мы все –

и выдумщики, и конные бригады, и мальчики со спичечными коробками – мечемся в поисках сюжета, который кто-то давно отменил, не поставив точку.

Иван Иванович Доброжелатель.

Выдумщик Слава

Комната школьника «Сигнал» радиозавода «Алтай» располагалась в одноэтажной пристройке к типовой пятиэтажке. Квартал был построен во времена тотального эксперимента по улучшению условий проживания трудящихся. От улицы Петрова до улицы Исакова, от проспекта Норд-ост до Строительного переулка архитекторы поместили двадцать один дом, школу, детский сад и типовой дворец культуры.

В кирпичных пятиэтажках улучшенной планировки, с отдельным двором и подземным гаражом жили; директор завода, главный инженер, начальник первого отдела и другие ответственные товарищи из профкома, парткома и женсовета. В девятиэтажных панельных домах, вдоль тихой Второй Западной улицы с видом на парк, проживали инженерно-технические работники. В монолитных шестнадцатиэтажных небоскребах на своих положенных по нормативу двенадцати квадратных метрах на одного совершеннолетнего, ютились рабочие и работницы.

В центре квартала находилась школа на тысячу учащихся. Она работала в две смены, так же, как завод. Школьников обеспечивали одноразовым горячим питанием, и раз в год заставляли отработать две недели на уборке территории и прополке зеленых насаждений.

А детский сад «Ёлочка» располагался в тихом дворе между серых пятиэтажек.

Квартал «Кошаки», как называли его завистливые жители соседнего частного сектора, был соединен с заводом вакуумной трубой, способной при полной нагрузке перевести пять тысяч рабочих за десять минут до проходной.

Завод «Алтай» построили при прежней власти, по заказу союзников для обеспечения производства электронных шифровальных машин. Широкому кругу потребителей завод уже девяносто восемь лет предлагал устаревшие модели одноименных радиотелефонов, транзисторных радиоприемников и переносных телевизоров по лицензии фабрики «Шилялис».

Производство и жилой квартал были закрыты непроницаемым саркофагом в виде старого гаража из нержавеющей стали, чтобы враг не догадался. В гаражах не было окон, и дневной свет туда не попадал, для того, чтобы не отвлекались рабочие. Свет в жилом квартале включали по природному расписанию. Ровно в семь сорок начинался восход солнца, в двадцать один час солнце выключали, и ни разу не было сбоя, даже в день мажоритарного акционера, отмечавшегося заводчанами в последний вторник января. Иногда в «гараже», как говорят его обитатели, импровизировали с погодой, но сначала по радио передавали сводку гидрометцентра. Операторы включали весеннюю грозу или летний грибной дождь, с июня по август несколько раз включали ливень. Снег был запрещен по причине необоснованной нагрузки на уборочную технику.

Четыре раза в неделю в комнату школьника «Сигнал», в комнатку рядом с раздевалкой хоккеистов, приходил выдумщик начального уровня Слава. По четыре часа в день он работал на дядю Семёна по гранту, выигранному в честном поединке у товарища Пи. Слава был сотрудник средней руки, звезд с неба не хватал, отбывал положенное по трудовому договору время, получал оклад и назначенные пайковые выплаты. Он скромно жил в доме, где один подъезд заселили творческие работники заводского дворца культуры, и занимал всего три комнаты с кладовкой за газовым титаном, которую приспособил для проживания прислуги. У выдумщика начального уровня была домработница Милена, строившая его как старший воспитатель в школе-интернате.

Еженедельные отчеты штатного выдумщика отправлялись по четвергам строго до обеда в управление развития творческих индустрий ССАААиА – Сообщество Стран Азии, Африки, Америки и Австралии. По выходным дням Слава катался по кварталу на трехколесном велосипеде и рассматривал незнакомых людей. Он любил глядеть, как на пустыре между общежитием химиков и незаконно выкопанными погребками пожилые конструкторы играют в гольф, как работницы треста рабочих столовых репетируют в открытом бассейне постановку «Дельфин и русская красавица».

На Новый год Славу приглашали на встречу с администрацией, там за хорошее поведение его могли рекомендовать для включения в состав делегации на торжественную церемонию поклонения святому образу Владыки мира. Это мероприятие проводили во «Дворце спорта». Перед собравшимися гражданами в полном составе появлялось территориальное руководство, и под гимн города в исполнении народного хора все зажигали свечи во имя отца и сына исторического диктатора.

Хорошая жизнь была у Славы, но однажды при проведении незапланированной ревизии супервайзер из департамента сохранения историко-культурного достоинства случайно ознакомился с его отчетами. Шум поднимать не стали, сверху спустили распоряжение, и ставку штатного выдумщика сократили с выплатой выходного пособия в размере годового оклада и грантового бюджета. Славе оставили квартиру, но отобрали кладовку. В связи с этим он вынужден был серьезно поговорить с Миленой.

– Дорогая, – начал объяснение Слава, поймав за подол домработницу, выносящую на детскую площадку ковер для выбивания из него пыли теннисной ракеткой, – настало время для серьезного разговора.

Мила держала под мышкой таджикский ковер, купленный мамой Славы на рынке в городе Пржевальске, и сочувственно смотрела на дорогого её сердцу рабовладельца.

– Знаю я всё, у нас плохие новости не держатся, передаются со скоростью радиоволны. Не переживай. Я сама себя продам, а на вырученные деньги ты сможешь купить квартирку в Северном городе. Бежать тебе надо. Завтра придут с обыском.

– А если не придут, – с надеждой спросил уже бывший выдумщик.

– Может и не завтра. Прятать ничего не надо. Оставь всё как есть. Если им надо, они найдут. Ложись на дно.

– Дна нет, мир – бездонная пропасть, – с горечью признался Слава.

Он выписался из жилплощади в квартале имени инженера Попова, сел в ближайший фирменный скоростной поезд «Золотой колос» и отправился к маме. А Милену пока сдал в аренду вместе с жилплощадью.

Средств на продолжение скромного существования в бельэтаже на старом речном проспекте ему хватало, работать с такой запятнанной репутацией его никуда не приглашали. Вел он приличный и праздный образ жизни, пил только по праздникам и посещал филармонию по обязательному абонементу в рамках программы просвещения души. Он ни разу не был задержан должностными лицами восточной национальности на помойке за неправильную сортировку бытового мусора, имел в паспорте отметку ограниченно годного в мирное время.

Слава из жадности решил сохранить отчеты с прошлой работы в открытом доступе на облаке группы компаний «Плам», временно разрешенной на ограниченной территории.

Через полгода его вызвали на беседу в малозаметный розовый дом с колоннами и львами над парадным крыльцом. После недолгого разговора бывшего штатного выдумщика отпустили, не взяв подписку о неразглашении сути разговора, и разрешили выехать за пределы района, чем он не воспользовался по причине приобретенной трусости и врожденной глупости.

Битва

Звено вертолетов «Робинсон» – Яша, Олег и Вова – вышло на цель на предельно малой высоте и вызвало у Чудиков ухмылку. Но из-за ближайшей горы второй волной накатили три пары «Евриков». В эфире звенел голос.

– Марат, работаем левым вдоль стены. Наблюдаешь?

И Марат ответил:

– Наблюдаю.

Дима не отставал, и в наушниках прозвучало:

– Два пять один. Наблюдаю.

И Леша подтвердил:

– Два шесть два. Наблюдаю.

Появление этой эскадрильи насторожило Чужих, и они присели, глядя в небо.

Вдруг из облака вывалился «сто тридцатый», и эфир разорвал веселый Вадик:

– Мужики, я прикрою.

Тут бы Чудикам и раствориться, но они только прикрыли головы руками.

С грохотом вдоль ручья на поле вылетела вся армада «Восьмерок» под командованием самого Савельевича. Вертолеты покружили и улетели.

Из-за поворота появился кавалерийский отряд объединенных конных бригад. Командовал ими сам Гайгородов. Лавина с громогласным гиканьем, как во времена древнетюркского каганата, неслась по полю.

Командир Уламанской бригады на лихом коне вырвался вперед и на плечах, как ему казалось, отступающих Чужих, влетел в узкое ущелье. Не подумал бывший председатель Паспартинской сельской управы, что там может быть завал. Чалый жеребец наскочил на груды камней и бревен, а в спину неслись отборные слова бойцов эскадрона. Они повернули коней и понеслись в другую сторону.

Человек на коне свободен, как ветер, он может повернуть налево, а может направо. Конь – сила и еда. В ХХI веке любой чабан мог поставить под седло пару коней, каждый пацан с пяти лет сидел на коне увереннее, чем на унитазах, а к девяти годам мог на скаку снять кепку с туриста.

Лёха Гайгородов выехал на высокий пригорок и огляделся. Он понимал, что если кавалеристы, увлеченные атакой, рассредоточатся, разбредутся по ущельям, то их больше не собрать.

«Какая прекрасная степь осенью. Рыжая трава, золотые лиственницы и синее небо, как самая синяя вода» – зачем-то подумал комбриг.

По бесцветной воде глубокого моря, впереди первой боевой группы, выжимая мощь двух двигателей, на новом катере мчался Сергуня. Две трехсотые «Ямахи» ровно рычали, выдавая пять с половиной тысяч оборотов каждая. В кильватере держалась группа катеров братьев Найденовых. Эта ударная группа должна была разнести построение Чудиков, а разнокалиберная армада местных лодочников утопит их окончательно. Таков был план.

Весь флот территории был сосредоточен на одном водоеме. Если не считать незначительное скопление резиновых лодок на главной реке, то всё судоходство собралось на их родном море.

Местное море большое, берегов не видно. Тут есть, где разойтись встречными курсами. По морю ходили небольшие кораблики, они таскали баржи с автомобилями. Туристы, приезжающие любоваться красотами местного моря, предпочитали передвигаться на быстроходных катерах или в комфортабельном теплоходе, сохранившемся с дореволюционных времен. Теплоход, отражаясь белыми бортами, тархтел по воде и был символом благополучия террито-

рии. По вечерам, снимая кассу, владелец выходил на мостик и клялся в верности водам моря и вершинам гор.

– О, великий Ульгень, – кланялся Ваня. – Спаси и сохрани. Да святится имя твое во веки веков.

Местный предприниматель, известный умением договариваться с милиционерами и бандитами, клал три земных поклона и ехал домой. По дороге он заезжал в пекарню, брал несколько булок горячего хлеба и вез его детям. Сначала заезжал к детям от первого брака, потом от второго и только после этого отправлялся домой, где его встречала новая жена, сынишка и лапочка-дочка. Новый дом он построил на самом верху ближайшей горы. Народ прозвал этот дом замком «Карабаса Барабаса». Ваня не обижался и любил свой народ.

После появления Чужих он распорядился погрузить на теплоход всех местных членов общества охотников. Тем, у кого не было патронов, дал в кредит и сказал напутственную речь.

– Братцы, мужики, это наша земля. Не отдадим её. Наше море нас кормит – не отдадим кормильца. Тайгой жили и жить будем. Не пожалейте живота своего.

После этих слов он вскочил в джип и помчался в сторону райцентра выяснять, где подкрепление.

Мужики не подвели, у кого был военно-морской опыт, встали во главе эскадры. Бывший подводник Герман быстро прикинул, что отступать некуда, и распорядился брать на abordаж.

Из космоса было видно, как вдоль меридиана ровной тонкой линией вытянулся весь маломерный флот, а это почти сто бывших в употреблении японских катеров, купленных на аукционе по сходной цене, и две шумные отечественные аэролодки.

Даже мальчишки на катамаранах, оставшихся в наследство от советской турбазы, вышли в море и спрятались в заливе, готовые добывать Чужаков баграми.

Лодки мчали мимо мысов и водопадов. Развернувшись в самой широкой части во фронт, они поддали газу и налетели на Чудиков стайей голубоногих олушей, безжалостно раскидывая невидимую Чудь, как косяк сардин.

Небольшая флотилия соседнего самого секретного военного округа, наспех организованная бывшим пожарным, напала на Чужих с фланга и отрезала им пути отхода в ущелье.

Встретившись, как братья по оружию, эскадры устроили совместное торжественное камлание на песчаном берегу. Никто не подумал, что это совсем не победа.

Зима не пришла

Она любила октябрь. Лето она тоже любила, но осень завораживала её идиллическую натуру. Лариса гуляла по парку, шуршала по аллее опавшей листвой и собирала их в желто-красный букет.

– Осень – так красиво, – говорила она и украдкой плакала от счастья.

Только в октябре Лариса всех любила. Летом она не любила потных мужиков и загорелых строителей. В июле, выезжая из душного города в деревню, она знала, что вернется в конце сентября, когда тополя подернутся золотом, а на трассе здоровья появятся старички в плащах. Только осенью можно наблюдать, как парочка пожилых людей, держась за руки, гуляют по темному и сырому лесу. Летом старики, стоя раком на даче, добывают урожай.

Лариса никому не признавалась, как обожает трактористов в поле. Помните картину, когда мужик ходит вокруг комбайна, на нем майка-алкоголичка, мятая кепка и руки по локоть в мазуте. В поле стоит туча пыли, птицы летят над межей, и мужик с довольной улыбкой смотрит в будущее. И к нему с узелочком, в который заботливая супруга завернула приготовленный ужин, спешит дочка в белой косынке. Уборка – это начало осени, как только за деревней появлялись комбайны и селянки спешили в поле, Лариса собиралась в город.

В этот год осень была особенно долгой. Весь сентябрь стояло тепло, октябрь выдался мягким и сухим. В городском парке не торопились выкапывать цветы, а в Летнем саду заколачивали скульптуры. Наступил ноябрь, члены профсоюза собирали деньги на флаги и транспаранты, готовясь отметить юбилей революции. В шиномонтажках ждали день жестянщика. Вот-вот должен прилететь арктический циклон и принести первый снег. Люди ежегодно предвкушали внезапный гололед. Конькобежцы и фигуристы точили коньки, лыжники смазывали лыжи, но осень задерживалась, и Лариса с наслаждением гуляла по закоулкам отдаленных районов, где не было дворников и куда не гоняли студентов на субботник в чистый четверг.

В газетах писали, что в горах опять зацвел маральник, эксперты-биологи уверяли, что это ненормальное явление. Старожилы вспомнили, что такое тепло уже случалось. Брежнева хоронили в День милиции, а снега не было. На дворе стояло уже двадцать четвертое ноября, и птицы не собираются улетать. Орнитологи бегали с этой информацией по всем СМИ, но кому они нужны, когда в домах отдыха и загородных отелях предлагают скидки на продолжение бархатного сезона.

Лариса решила поехать в горы и любоваться бирюзовой рекой. Она могла долго смотреть на воду, горы и как суетятся муравьи. Машинка, доставшаяся от папы, без приключений увезла её подальше от города. Лариса была неуверенным водителем, и после перенесенного стресса, вызванного большим количеством грузовиков и аварий на трассе, по приезде на турбазу «Бирюзовые глаза» рано уснула и поздно проснулась.

В горах было прекрасно. Для начала декабря днем и ночью было необыкновенно тепло. Крестьяне в деревне уже начали беспокоиться за будущий урожай.

Как обычно в положенное время, в магазинах появились ёлочные игрушки, дизайнеры начали клеить новогоднюю рекламу, но зима так и не пришла. К пятнадцатому декабря все ныли, что нужен снег, что Новый год не может быть без снега.

Администрация крупных городов сообщала, что в канун праздника начнет завозить снег из арктических районов. Но министерство природных ресурсов не определилось с ценой за тонну снега. Спрос был огромный, в приоритете были экспортные поставки в Европу. Минфин рассчитал, что это божественное проявление позволит закрыть дефицит бюджета, связанный с отказом от поставок дров в дружественные страны. Смежные пушки на горнолыжных курортах работали круглосуточно, рефрижераторы, забитые снегом, неслись по федеральным трас-

сам с наклейками «Снег» на лобовом стекле, и полиция пропускала их без досмотра. Колумбийцы не упустили момент и воспользовались ажиотажем. Даже в отдаленных районах южной Сибири, куда в жирные годы порошок природного качества попадал только с официальными делегациями, цены упали до исторического минимума, правда, валюта выросла до исторического максимума. У механизатора ратрака не было времени сходить в туалет, он писал в пивную бутылку, а раньше бесцеремонно ссал на снег, но сейчас снег был на вес кокоса.

Выйду на улицу высу узор на снегу,
значит, все здорово, значит опять на войну,
Яблонька-девонька снова весной зацветет,
будем надеяться, будем водить хоровод.
Выйдем на улицу, молча, да будем торчать,
зимними сказками осень весной встречать,
да вновь у кого-то за что-то прощенья просить,
в день ото дня все страшнее становится жить.
Стало, как никогда вольно да весело!
Выйду на улицу! Высу узор на снегу...

Из всех утюгов звучала новая песня молодого исполнителя «Mutanta». Её автор – неизвестный до этого момента Санек Подорожный – в одночасье стал богатым и построил храм Заратустры.

Кто-то ждал весны, другие переживали, что если зима не пришла, то и весны не будет. Пьяные рыбаки на обрыве реки молились всем богам и ловили пескарей.

– Разве это не красотища? – восторгались их жены.

– Не красотища, – орал на них начальник транспортного цеха ТЭЦ имени ледокола «Арктика». Он понимал, какие убытки несет ЖКХ, какие простои терпит снегоуборочная техника, купленная в лизинг. И наконец, он привык к откатам за уголь Кузбасса. А кому нужны тонны угля, если ночные температуры не опускаются ниже нуля.

Проблемы с отсутствием зимы накатывались как снежный ком. Обыватели радовались теплу и цене за киловатт электроэнергии в квитанции на содержание жилплощади. Фермеры не парились, корма они заготовили. Продавцы верхней одежды подняли цены на демисезонный ассортимент и отбили убытки. Шубы и теплые пуховики убрали на склады и уехали в Индию поинтересоваться у астрологов, как им найти счастье.

Так в этот год не пришла зима. Но началось всё не с этого.

Лариса стала вспоминать, как на прошлогоднее Крещение по дороге в деревню видела тут и там знамёна.

Убийца котиков

Баба Нина позвонила в полицию, и уже участковый вызвал для неё скорую. На краю старого парка в подвале столетней пятиэтажки Нина нашла тушку мертвого котика. Котики не вечные, они умирают. Люди всегда испытывают неудобства и не знают, где можно похоронить кота, самые преданные владельцы хоронят их в лесу или на краю поля. Бывает, что человек в растерянности бросает мертвого кота в мусорный бак.

Ни разу Нина не читала в вечерней газете объявление о приёме мертвых котов и кошек. Ей не бросали в почтовый ящик рекламу – «Кооператив Шариков – утилизация тел домашних животных». В районе, где жила Нина, не было ветеринарной клиники, даже человеческая больница из-за ветхости здания была закрыта еще на четвертом сроке избранного правителя.

В ухоженном подъезде их панельки пахло жареной картошкой, рыбой и курицей, а из тридцать восьмой квартиры пахло лекарственными растениями, там тихорились почтенный хиппи старой системы Энди Питерский и Алекс Московский.

Котиками в этом подъезде не воняло, женщины-старожилки пристально следили за запахом и высаживали на подоконниках розы. Запах котиков отбивал внуков, а это смертельно для старух. Нина не держала котов, у внучки Варечки была аллергия.

Поздно вечером перед праздниками, в канун дня торгового работника, Нина спустилась в подвал, чтобы достать припрятанный в дальнем углу сарая патефон. Она решила продать его, выставив объявление в интернете, и на вырученные деньги купить внучке путевку в Гагры. Патефон был заграничным, а Нина – неглупой пожилой дамой и уверенным интернет-пользователем, она всё прогуглила.

Тельце ободранного котика она увидела валявшимся в углу. В те времена, когда в телевизоре показывали иностранные фильмы, такое смертоубийство списали бы на действия маньяка. Зная, как поступить, Нина не стала ничего трогать на месте преступления, а поднялась в квартиру и по домашнему телефону позвонила в полицию. Там её послали в райсобес, но после того, как она пригрозила заявлением в природоохранную прокуратуру, к ней отправили старший лейтенант полиции. Назар Викторович служил участковым надзирателем уже сорок лет. Спешить ему было некуда, выпив чаю с калачами, он явился примерно через пару часов.

– Что же вы по пустякам полицию беспокоите, гражданочка? – нагрубил он с порога Нине.

– А вы сами посмотрите, – отреагировала на его грубость пожилая женщина.

– Показывайте, что у вас, – приняв хиваясь, предложил участковый.

– Пройдемте, – обувая калоши, сказала Нина и повела полицейского в подвал.

Назар был опытным полицейским, разное видел, бывал на опознании утопленников. В их заброшенном парке был глубокий графский пруд, но такого ужаса он не ожидал.

В утреннем рапорте районного МВД происшествие прошло вторым пунктом, сразу после вооруженного ограбления ломбарда в Столярном переулке. Пресс-служба включила это жуткое преступление в ежедневную сводку и рассылку в СМИ. Первым оперативно отреагировал сайт «SRAMIC». А потом новость разлетелась по всему городу. Дело взял на личный контроль начальник следственного комитета по особо важным делам, и на место преступления выехала оперативная группа из столицы нашей родины – города-героя.

Региональный редактор НТВ долго уговаривал Нину рассказать, что она увидела в подвале, но старушка отказывалась бесплатно общаться с представителями прессы.

Слухи множились. На другом краю города волонтеры зооуголка имени котенка Гав установили круглосуточную охрану. А владелец лакшери-отеля для кошек «Мурка» в своем телеграм-канале сообщил, что готов выплатить вознаграждение за любую информацию.

Отойдя от утреннего шока, Нина позвонила Назару Викторовичу и спросила:

– Как дела?

На что участковый ответил ей, что как сажа бела и нет состава преступления.

Нина задыхнулась от возмущения.

– Как так?

– Так, – коротко ответил Назар.

– А незаконное предпринимательство?

– Не по нашему ведомству. Обращайтесь в управляющую компанию.

– Я буду жаловаться, – пригрозила женщина.

– Ваше право, – отбрил её старший лейтенант.

Через два дня шум в городе утих. Управляющая компания предоставила грузовик, из подвала вытащили пресс-мехобвалку, шкуроръемные машины, вакуумные шприцы, фаршемешалки и другие приспособления.

Жители дома долго обсуждали, кто из соседей был в доле с заготовителями, почему никто не доложил по инстанции, и как так случилось, что такое прибыльное предприятие не заплатило аренду за их подвальное помещение. Сошлись на том, что надо заколотить вход в подвал, а то в следующий раз туда могут проникнуть бездомные.

Когда все успокоилось, журналистка из детской газеты «Сами с мозгами», Варвара, решила расследовать эту историю. Она долго думала, что двигало людьми, организовавшими такую машину смерти котиков. Ей удалось встретиться с участковым, опросить свидетелей, даже поговорить с Энди из тридцать восьмой квартиры, Алекс в это время тусил в садоводстве «Меланжист».

Следов, ведущих к заказчику, не было и не было исполнителей. Никто ничего не видел, не слышал и не догадывался. Но все понимали, надо что-то делать.

За чаем с тортиком, который Варя купила для любимой бабушки Нины, она вынуждена была признаться.

– Ба, а на самом деле эти дельцы занимались полезным делом. Ты меня прости, если можно соболей пускать на шкурки, тогда что делать с котами.

– Понимаешь, дорогая моя, соболь или даже норка – это зверек промышленный, а коты – домашние. Я не философ, но это – диалектика. Спроси у папы.

– Где же я найду папу, он не живет с нами пятнадцать лет.

– О чем и речь. А бабушка о тебе думает. Приготовила тебе на день рождения подарок. Как только через два годика тебе исполнится восемнадцать лет, поедешь на курорт, встретишь там нормального парня. Вы полюбите друг дружку и уедете жить в Турцию. Не думай про котов.

– Нельзя не думать про котов и белых слонов.

Взяв честное слово с Варечки молчать, Нина призналась ей, что задумала продать патефон, и этого хватит на путевку «всё включено». Просидев допоздна за чаем, съев торт, Варя засобиравлась домой. Обняв бабушку, пожелав ей спокойной ночи, девочка-умничка, подтянув короткую юбку, выскочила из подъезда, старики-алкоголики помахали ей вслед мятыми газетными шляпами.

– Привет, – крикнула она им в ответ.

Ездить одна в такси она боялась и поэтому пошла через старый парк на остановку трамвая.

Тропинка вела вдоль правого берега пруда, мимо тенистой аллеи, к контрольно-пропускному пункту заброшенного общежития шинного завода. Светясь от счастья, прыгая с кирпича на кирпич по лужам, внучка бабы Нины выбежала на проспект Передовиков. Перебежать пять полос скоростного шоссе – не простое упражнение, но адреналин зашкаливал, стоя на поребрике Варя уже размахнулась пакетом «Мозон», и в этот момент перед ней остановился черный БМВ.

– Ты куда, такая красивая намылилась? – открыв окно, спросил её румяный толстячок.
– Туда, – бесхитростно ответила девочка.
– Давай подброшу, – предложил мужчина и распахнул дверь.
– Здорово, – обрадовалась Варя и шмыгнула на переднее сиденье в машину к незнакомому мужчине.

Автомобиль рванул с места, оставляя грязный след на асфальте. В салоне пахло ёлочкой, играла приятная музыка.

– Что-то новое из «Лесоповала»? – спросила Варечка.
– А то, – ответил обаятельный незнакомец.

На лобовом стекле была приклеена иконка Чудотворного Чудотворца и портрет уважаемого трижды великого тирана. Водитель погладил Варю по коленке и сказал:

– Не бойсь, – голос его располагал к душевной беседе.
– Меня Варя зовут, я – школьница, – призналась она, заглядывая мужчине в глаза.

Он улыбнулся в ответ, сверкнув бриллиантом, вставленным в правый клык. Толстым пальцем он вытер слезу умиления и от всего сердца топнул в педаль газа.

После неловкой паузы он спросил:

– Ты любишь кошек?
– Я не пробовала, – пошутила Варя.

И они долго смеялись, наслаждаясь видом полной луны, выходящей из-за темного леса.

Стариковские сказки

– Оставь ты эти сказки для пенсионеров, будешь радовать их перед выборами. Не надо мне вешать лапшу про инвестиции и доходность, скажи, сколько и на этом расстанемся друзьями. Ты пойми, не я такой, жизнь такая. Хорошо бы всё поделить и разбежаться, но тебе некуда бежать, ты на работе. Понимаешь? Смотри. Берем всю эту фигню, отдаем её партнерам, и дальше не наше дело. Ты получаешь своё, я своё и никто никому не должен.

– В корне неверный подход. Если ты подождешь пару лет, то наше предприятие выйдет на запланированную прибыльность. Сейчас надо затянуть пояса и закатать рукава. У тебя хищнический подход к делу. Ты всё время говоришь о сегодняшнем дне, а я думаю о будущем. И заметь, не только о моём, но и о твоём, и о будущем следующего поколения. Что ты предлагаешь сделать? Всё поделить? Я предлагаю приумножить. Ты дашь мне свою часть, я вложу в неё свою часть, займу у других и всё направлю на развитие. Если ты мне не веришь, то давай рассуждать логически. Для чего мы работаем? Очень простой вопрос, и я знаю ответ. Я, ты, он, она – мы работаем для детей. Каждому из нас и всем людям хочется, чтобы дети жили лучше, чем мы. Поэтому мы приумножаем и копим, складываем копейка к копейке, во многом ограничивая себя, не позволяя себе лишнего. Что уж греха таить, иной раз отказываем себе в насущном. Глянь на Жанну, она много лет ходит в одном и том же халате. А ты? Ты мог бы поменять колпачки, но понимаешь, что это лишнее, что можно прожить и без новых колпачков. Ты знаешь, что никто кроме меня не увидит эти погрызенные колпачки. А сегодня ты приходишь и говоришь, что не готов. А кто готов? Я спрашиваю, кто готов?

В узком кабинете с высоким потолком мимо стола и пианино метался крипто-мошенник средних лет по прозвищу Парамон. Ему было уже нечего сказать, и он продолжал размахивать руками. Он снимал девять квадратных метра под офис в музыкальном кабинете районного общества охраны памятников. Ему нравился этот кабинет, тут можно было расслабиться, никто не станет беспокоить его в этой норе. Если настанут тяжелые времена, то никому в голову не придет искать его под вывеской ИП «Сам себе».

Такие дельцы как он давно выехали на побережье теплого моря, где хороший интернет и стабильное электричество. Но он не такой. Парамон с детства был другим. Если все, играя в войну, прятались в окопах, то он уходил в секретную засаду. Детские игры воспитали в нем предусмотрительность. Занявшись криптой, он не понимал, куда его выведет этот незаконный бизнес, но после первого успеха решил, что надо называть себя инвестором и работать с привлеченным капиталом.

Сейчас он объяснял единственному сотруднику фирмы, что не время просить о выплате дивидендов. Это был важный сотрудник, он умел ремонтировать старый компьютер. В этом ящике все время что-то ломалось. Позвать на помощь можно было только близкого человека, такого как друг детства Севка. Когда-то они жили в одном доме, вместе играли в прятки и бегали по гаражам. Севка нигде не учился, но «методом тыка» разобрался, как работает компьютер. Сначала к нему потянулись знакомые пацаны с игровыми приставками, и Севка что-то им паял. Потом началась эпоха пентиумов, Севка их разбирал, заново собирал, и они работали как новые.

С большими залысинами, с жидкими и засаленными волосами, перехваченными розовой резинкой в хвост, Севка стоял перед Пармоном и крутил в руках отвертку.

– Пойми, Сев, – говорил Парамон, выглядывая в окно. – Что ты будешь делать, ты же ничего не умеешь, ты не можешь построить дом, не можешь посадить дерево, ты даже сына не можешь завести.

– Могу, – тихо возмутился Севка.

– А ты попробуй, давай заведешь сына, – уцепился за эту ниточку Парамон. – Тогда я тебе сразу такое подгоню, что ты навсегда будешь довольный. О чем я тебе говорил? Даже ты думаешь о будущем, не о себе дорогом и любимом, а о будущем. Помню, как твой дед – прекрасный человек, орденосец, всю жизнь работал на трикотажной фабрике и на каждый праздник дарил тебе новые трико. Он держался за работу, знал, что другого такого жирного места нет. Не, Севка, ты как был эгоистом, так и остался. Тебе уже скоро тридцать пять лет, а ты только о себе думаешь. Приходишь такой, отвлекаешь меня от дел, а я в это время должен решать, как убедить инвесторов вложить миллион миллионов в нашу крипту. Как я сейчас буду звонить клиентам? Я на взводе, а ты стоишь тут как малохолный и отвертку крутишь. Иди работай. Помоги Жанне пол помыть в коридоре. Какая женщина, бери пример. Самоотверженно работает, не возмущается и ничего не просит.

Севка наклонил голову, прищурил левый глаз, подкинул отвертку, перехватил её за железку и кинул. Отвертка проткнула портрет члена ЦК КПСС и упала на пол.

– Блин, Сева, – повернулся к нему Парамон. – Ну ты в самом деле? Нафига порвал Воротникова. Я хотел его продать как антиквариат, а теперь ты нанес нашему предприятию убытки. В натуре прямые убытки. Севка, ты чем-то расстроен? Скажи.

– Мне средства нужны, – буркнул Сева, поднимая отвертку.

– Будут тебе средства, как только, так сразу, а зачем они тебе? Не стесняйся, выкладывай. Ну, что ты, как маленький. Помнишь, я во дворе всегда за тебя был. И ничего от тебя не скрывал. Хочешь, я тебе займу пару сотен по новому курсу. Тебе надолго хватит?

– Не хватит.

– О, а сколько тебе надо, – удивился Парамон. – Две сотни, это же дофига.

– Мне надо три тысячи восемьсот сорок пять по старому курсу, – пробубнил Севка.

– За такое бабло можно на Марс три раза слетать!

– Мне надо, я все продумал, – не унимался Севка и сверлил глазами портрет Воротникова.

– Ты пойми, я тебе друг, и ты мне друг. Мы вместе работаем. Если я отдам тебе такую сумму, это заметят на бирже. Вывод таких деньжищ не скрыть. Мы живем в прозрачном мире нелегального чистогана. Как я объясню инвестиционной комиссии конгресса, что вывел денег, которых хватило бы купить какой-нибудь пакистанский Урюпинск со всей его администрацией. Я даже не могу придумать, куда ты можешь потратить такую цифру. Хочешь чаю?

– Давай, – согласился Сева и крутанул отвертку между пальцев так ловко, что Парамон залюбовался.

– Как ты это делаешь? – спросил он.

– Тренировка, – признался Севка.

Налив из кулера горячей воды, Парамон взял с батареи центрального отопления чайный пакетик и аккуратно опустил его в пластиковый стакан.

– Липтон, – сказал он и протянул стакан Севке.

– Спасибо.

– А мне так даже интересно, как у тебя фантазия работает. Я вроде книжки читаю, сериалы смотрю, а не могу представить, куда можно прислонить три тысячи.

– Три восемьсот сорок пять, – уточнил Севка и отхлебнул чаю.

– Я произнести такое не могу. Расскажи мне, что ты придумал. Расслабься, попей чайку, прикинь, что мы с тобой не в кабинете, а на пляже в Конюхах. И ты мне рассказываешь о своей мечте.

– Это не мечта, это план.

Парамон плюхнулся на стул и больно ударился копчиком.

– План. Очуметь. Если бы я не знал тебя тридцать лет, я бы решил, что ты двинулся. Сев, какой план? Посмотри на карту, нас окружает мировой кризис. Я из последних сил привлекаю

инвестиции, мы кое-как держимся на плановой доходности. Если китайский Центробанк поднимет ставку на пару процентов, мы покатымся вниз. Сева, не время для плана. Поверь мне, друг. Ты столько лет доверял мне, я работаю для нас и нашего будущего. А ты припёрся с планом. Хочешь, отправим тебя в дом отдыха «Рассветы над рекой»? Там есть электрофоре́з.

– Парамон, – вдруг выпрямился Севка и поставил стакан на пианино.

– Убери, – закричал Парамон. – Полировка, блин!

Севка моментально среагировал, схватил стакан, но впопыхах облился и обжегся. Подув на руку, он продолжил.

– Пойми. Мне надо моё. Я дело предлагаю: поделить и разбежаться. Всё не заработать, в гробу карманов нет. Мне сейчас надо. Это я тебе как друг предлагаю. Не хочешь делить, отдай моё. Но я частями не возьму, мне надо минимум и сразу три тысячи восемьсот сорок пять наших гребаных ёматокенов.

– Севка, ты дурак.

– Сам такой, – обиделся Севка, повернулся и пошел прочь. Толкнув дверь коленом, он неразборчиво выругался и пнул ведро, оставленное Жанной посредине коридора.

Севка представил, как обидится Бил, узнав, что он не может купить у него набор отверток, которые Ленину подарили на «Кировском заводе». Отвертки стоили не три тыщи, а намного меньше, и это было Севке по карману, но он откладывал приятную покупку на особый случай. Если бы Парамон отдал бабло, то Севка сразу бы купил ленинские отвертки.

– Жмот, – шипел Сева. – Жалко ему, что ли. У него этих ёматокенов миллиарды.

Он спустился в подвал, где под лестницей была оборудована его мастерская. Там стоял любимый продавленный диван, привезенный от старшей двоюродной сестры, кресло на колесиках, настоящий чайник, а не кулер, который греет воду только до шестидесяти градусов. Там было его реальное убежище. В подвале он чувствовал себя человеком, а дома всё время надо было что-то делать, то заставить выносить мусор, то пылесосить. Он уже почти тридцать лет пылесосил, это был его субботний ритуал. Севка каждую субботу после программы «Международная панорама» брал пылесос «Ракета» и сосал пыль. Делал он это лениво, спустя рукава, но делал, и к нему не придерешься.

Так бы всё и тянулось, но тут сначала не пришла зима, а потом он решил пожертвовать средства на борьбу за другое будущее.

Проходя мимо продуктового магазина «Астраном», Сева вспомнил, что надо купить корм коту. Он пошарил в кармане и не нашел мелочи.

– Ёдрышкин качерышкин, – матюкнулся он, и на него оглянулась посмотреть старушка в чепчике.

Даже она подразумевала, что этот айтишник с немой головой в оранжевых линзах может быть пособником Чужих, объявившихся на окраинах дальних границ их райской территории. Но не Чужаки трясли деньги из Севки. Его тиранили неуловимые повстанцы, обещавшие всем мужикам по бабе и вечное воскресение. Сева повелся на их пропаганду.

Старушка поправила чепец и перекрестила айтишника в надежде на чудо. Она догадалась, что сейчас он пойдет на помойку ловить голубя на ужин своему коту Мегабайту.

– Куда всё катится? Я вас спрашиваю? – закричала она на сторожа детского сада, который негромко писал в углу за забором.

Мальчик из спичечного коробка

Спичечный коробок – интересная игрушка. Мальчик Аркаша играл спичками с детства. Его портретами были увешаны все города страны. На плакате противопожарной агитации мальчик со шkodливой улыбкой поджигал спичку и показывал огонь девочке. Как звали девочку, Аркаша не помнил.

Давным-давно его увидел дяденька фотограф и пригласил сфотографироваться. Мама сразу согласилась, папа немного сомневался, но бабушка сказала:

– Надо.

Играть спичечным коробком очень весело. Аркаша умел его подбрасывать, мог сделать из него танк, мог превратить в кровать для автогонщика, которого он вынимал из пластмассовой машинки. Коробок мог превратиться в тюрьму для шмеля.

Когда Аркаша получил свой первый коробок, он не расставался с ним несколько дней. Ни мама, ни папа не отбирали у него коробок. Играет мальчик и пусть играет. Играл он тихо, иногда жужжал как машинка или стрелял.

– Бах, бах, – палил он негромко, чтобы не напугать бабушку, которая не любила, детей играющих в войну.

Первый раз помнят все, и Аркаша свой первый пустой коробок хорошо запомнил. Настало время, когда ему достался коробок с настоящими спичками, но они Аркаше не понравились. Сам коробок был крутой, большой фанерный, такой дабл-коробок. Их не любили мужики, потому что эти коробки делали для женщин. Они назывались «спички семейные», то есть половина спичек для папы, а другая половина для мамы. Как оказалось, это была плохая идея. Дело в том, что спичек было слишком много, и они портили чиркушку. А коробок с размохначенным чирканном выглядит неаккуратно.

Аркаша рос и любовался коробками. Особенно ему нравились стандартные отечественные коробки из деревянного шпона. В этих коробках не было оригинальности, они не отличались от миллионов других коробков, и в них можно было хранить не только спички. Когда они всей семьей ехали на юг, Аркашина бабушка насыпала в коробок соль. В поезде она доставала яйца, куру, огурцы, зеленый лук и говорила:

– Аркадий, а где же соль? – потом долго искала её в сумке и, наконец, вынимала завернутый в газетку коробок с солью.

Аркаша вырос в интеллигентной семье. У них было правило – пальцами и яйцами в солонку не лазить. Коробок аккуратно ставили посередине стола, и, если надо было посолить огурец или куриную ножку, для этого была приготовлена очень маленькая ложечка.

Когда на 89 году жизни от передозировки нюхательным табаком умерла бабуля, ложечка перешла маме, но мама за тридцать шесть лет семейной жизни не стала Буханкиной и осталась Хромовой. А Хромовы не сыпали соль в коробок, а делали кулечек. Ложечка досталась Аркаше с условием, что, когда он женится, то передаст семейную реликвию жене. Аркашина мать смеялась над этим, но терпела.

Отец у Аркаши был вредным, он мог, обидевшись на пустяки, замолчать на неделю и не отдать зарплату. С возрастом отец проникся семейными традициями и часто говорил сыну:

– Смотри, балбес, не профукай ложку, антиквариат. Денег стоит. Она может тебе в отчаянное время жизнь спасет.

Аркан положил ложечку в коробок, она как раз входила по диагонали, и прибрал на самую высокую книжную полку, где стояли тридцать четыре тома Горького и лежали самые дорогие Аркашиному сердцу коробки. И он навсегда забыл об этой ложке.

Первого мая Аркаше подарили пластилин. В коробке было семь ровных кусков пластилина, прилипающего к рукам. Пластилин и коробок изменили жизнь мальчика. Аркаша лепил человечков, зверушек и танки. Когда тети и дяди спрашивали его, кем он хочет быть, когда станет взрослым, Аркаша отвечал, что будет скульптором. На самом деле он пошел учиться на коноплевода.

Бабушка послала его в библиотеку взять для нее редкую книгу, и ему выдали «Справочник коноплевода» под редакцией Лесик и Ткаченко. Пока Аркаша ехал домой, он успел прочитать вступление. Это была очень увлекательная книжка, оказывается, конопля может спасти мир от уничтожения деревьев. Из конопли можно делать бумагу, одежду, топливо, она выделяет кислорода больше, чем сибирский кедр. Взяв одно семечко конопли, Аркаша посадил его в коробок, но понял, что нужен горшок, и попросил у бабушки старую кастрюлю. Узнав, зачем внуку посуда, бабуля подумала и согласилась, но выдвинула требование, что он посадит помидорную рассаду и два перца.

Конопля всходила бодро, помидоры за ней не поспевали, осознав все преимущества коноплеводства, Аркаша после девятого класса подал документы в среднее профессиональное училище коноплеводства. Брали туда без экзаменов, и через два года выпускали с дипломом третьего разряда. За время учебы молодой человек уяснил, что лучшая урожайность на южных полях. Поцеловав бабушку и маму, он поехал за длинным рублем. Работа была пыльной, но денежной. Отдыхать он пошел в конце ноября с хорошими отпускными, деньги жгли ляжку. На южном побережье всё было занято. Подкинув свой любимый коробок, Аркаша решил ехать на восток.

И теперь он сидит на холодном камне на склоне горы и смотрит, как вертолеты кружат над долиной, разгоняя Чужих. Никто о них ничего не знает, откуда они взялись, что им надо и почему они только здесь. Три недели назад в этих краях было тихо как в раю, на пастбищах блеяли овцы, по склонам ходили кони, в деревнях дымили печи, все топили бани, потому что была суббота.

В какой-то момент вся эта благодать почти закончилась.

Нормального человека должно было остановить сообщение, что в этих краях, впервые за долгие годы наблюдения, не наступила зима. Но Аркаша был ботаник, политикой не интересовался. Ютуб смотрел только перед сном, любил видосы со стройными мулатками. Они его заводили, кончив в салфетку, он глубоко засыпал.

Не обращая внимания на обстановку в регионе, молодой человек приехал искать место силы. Любой банщик на турбазе знал с десятков таких мест, но Аркаша пошел по наитию. Автобус привез его в Загудайск, высадил у магазина и тут же заглох. Молодой приезжий человек прошелся по центру деревни, поклонился памятнику вождю вождей, перекрестился на церковь, купил газировки и полез на гору, откуда было видно всю долину и бункер верховного главнокомандующего, но архитектурными памятниками Аркадий не интересовался. В четвертом классе на обложке учебника истории он дорисовал древние руины, и получился замок. Карабкаясь по склону, на котором белыми кирпичами была выложена огромная надпись «Загудайск 500 лет», Аркаша от напряжения ругался шепотом.

– Дадут мне значок «знатный коноплевод» – сразу поеду домой, чтобы прийти в школу, и все от удивления заткнутся. Ни у кого нет такого значка. Витька – мастер спорта, Ксюха – почетный донор, Игорь – заслуженный работник культуры, да таких передовиков в их школе не один десяток, а в городе ещё больше. А знатного коноплевода во всей области нет.

Аркаша посчитал, что ему надо засеять сто один га самым урожайным индийским сортом, тогда он сдаст государству полторы тонны семян и пятнадцать тонн соломы с гектара. За такие трудовые достижения могут дать медаль и звание Заслуженного коноплевода. Но пока заработанные деньги продолжали жечь Аркашину ляжку.

– Отдыхать надо с комфортом, – сказал однажды Аркашин дед, взял надувной матрас и поплыл вниз по матушке Волге, надеясь добраться до Каспийского моря, а там, заколотив деньгу на нефтяном промысле, и рвануть в Турцию.

– Что мелочиться, – согласился Аркаша с дедом и поселился в шестизвездочном отеле на берегу искусственного водохранилища. В номере были лебеди из полотенца, а над прудом кружили ручные буревестники, завезенные с Тихого океана. Роскошь поражала воображение. В холле отеля стоял хрустальный рояль с золотыми клавишами, на котором играл пианист Алеша. В номерах были модные кровати, создающие невесомость, 3D-проекция проституток удивляла даже продвинутых китайцев. Но не за тем ехал Аркаша на восток. Ему нужна была сила.

В дирижабле он прочитал рекламный журнал «Ом мани» и решил, что может называть себя в меру продвинутым пользователем, умеющим создавать пустоту. Заполнив журнальную анкету, ИИ сгенерировал для Аркадия ответ. Оказалось, что у него первоначальный дар. Его надо развивать, и тогда он научится находить себя.

На подъезде к Загудайску он заметил, что возле плоского камня у сгоревшего дерева кружатся большие черные птицы.

– Неужели грифы? – спросил он вслух. И в голове зашипела старая пластинка. «Чёрный гриф *Aegypius monachus* – вид хищных птиц семейства ястребиных. Принято считать, что название происходит от латинского «grups» и восходит к древнеиндийскому «garutmant» – гриф. В восточной мифологии грифы считаются прообразом птиц гаруда, в греческой – грифонов. Чёрный гриф – самый крупный представитель семейства ястребиных с размахом крыльев 250—295 см.

Грифы очень заботливые родители. Чёрный гриф – невероятно зоркая птица. Свою добычу она высматривает, паря на высоте 1-2 км над землей».

– Гугл, заткнись, – скомандовал Аркан. Но «Гугляш» не унимался, перед тем как замолчать, он с презрением, голосом Бондарчука младшего произнес:

– До космоса сто километров. Знания – сила, – и только после этого в Аркашиной голове все стихло.

Он улыбался точно так же, как много лет назад улыбался незнакомой девочке на плакате «спички детям не игрушка». Картинка обессмертила его. Она до сих пор выставлена в постоянной экспозиции зала позднего советского искусства Государственного музея имени Семёна Семёновича Горбункова.

Дойдя до камня, разогнав грифов, Аркаша выпрямился, вздохнул и сел. Вид отсюда был потрясающий до глубины поджелудочной железы. В небе кружили вертолеты, по долине мчались кавалеристы, картина впечатлила молодого коноплевода. Масштаб был как в старой картине «Война и мир».

Аркаша достал свой заветный коробок, и в этот момент его плотно накрыло.

Так он нашел своё место силы.

Стыд

– И тебе не стыдно? А должно быть стыдно. Как же тебе не стыдно? Не должно так быть. Посмотри на себя, всем стыдно, а тебе не стыдно, или все же стыдно, но ты скрываешь? Не понимаю я тебя. Смотрю и не могу понять, как ты живешь. И тебе не стыдно?

– Не знаю.

– Он не знает. Послушайте его, он не знает, а кто знает? Кто должен знать? Достоевский твой?

– Он не мой.

– Да и фиг с ним, просто Пушкина жалко. А этого психопата не жалко, всю кровь мне в школе свернул. Каторжник. Шел я как-то по Казанской к Фонарному, смотрю, на угловом доме написано, что тут жил Родион Раскольников. Я три раза сплюнул. И не стыдно им убийце памятные доски вешать. Я не тупой и понимаю, что это из художественного произведения, но какая разница. Прикинь, если бы на доме в Риме была бронзовая доска «в этом доме жил Ганнибал Лектор».

– Ну и жил себе лектор, какая разница.

– Ой, господи. Ничего не знает и не стыдно. Давай серьезно поговорим. Напрягись, сосредоточься, просто ответь ясно. Когда тебе последний раз было стыдно?

Вдали над рекой поднимался дым. Засунув руки в карманы, у открытого окна стоял мужчина немного старше средних лет. Он смотрел на дым и не волновался. Дым – это привычная картина. Там за рекой стоит завод, он производит металл. А может, химическое волокно, а если не волокно, то производит что-то ещё. Не может быть столько дыма от производства хлеба или сигарет. Фрол не бывал на хлебозаводе, но несколько раз проезжал мимо. Он бывал на канифольно-терпентинной фабрике и на фабрике им. Урицкого, где менял у грузчиков водку на сигареты. Водку ему давали соседки, они получали её по талонам, а сигареты были дефицитом. Старушки много курили.

– А ты не знаешь, что они там делают?

– Где?

– Там за рекой.

– Не знаю.

– Да и ладно. Мы о тебе говорим. Вспомнил?

– Что?

– Я спросил, когда тебе последний раз было стыдно.

На балконе эконо-студии на восемьдесят втором этаже стояла раскладушка. Запрокинув руки за голову, на ней лежал человек во всем черном. Это был лысеющий блондин с серыми припухшими глазами, которые скрывали очки в толстой роговой оправе. Он щелкал тыквенные семечки и аккуратно складывал кожуру в банку из-под бездымного пороха «Сокол».

– Стыд – это не проходящее состояние, – сказал он, цыкнув зубами в попытке вытащить прилипший к зубу кусок зернышка тыквенной семечки. И ещё раз цыкнул. – Если честно, то мне и сейчас стыдно. Посмотри, – мужчина поднял ногу и показал её Фролу. – Я в говно наступил. Мне стыдно, что неизвестный насрал в лифте. Ты не представляешь, как там воняет. А ты высоко забрался.

– Не о том ты говоришь. Это болонка Обамы. Знаю я, как там воняет, это не первый раз. Но к сути. Ты общими словами не отделаешься, давай на чистоту.

– Принеси воды.

– Зачем?

– Туфлю помою.

- Ходи так, уже высохло.
- Не могу, неудобно.
- Перед кем тебе неудобно?
- Перед собой.

– О, как интересно получается. В грязных ботинках тебе неудобно, а с грязной совестью нормально.

Фрол вынул правую руку из кармана. Сегодня он подготовился к встрече. Надел клетчатую рубашку, брюки клеш и розовые носки, купленные на распродаже Дольче Габбана, устроенной китайцами на корейском рынке по случаю пожара на складах «Валиэксперса». Носки были необыкновенно обворожительные, тугая резинка не оставляла следов, пятка не протиралась при стирке, мелкие белые цветочки на розовом фоне горели как звездочки в созвездии американского флага. Очень ему нравились эти носки, они подходили к образу. Он отдал за них грампластинку с речью Андропова. На конверте на шести языках было написано: «Юрий Владимирович Андропов – советский государственный и политический деятель, руководитель СССР в 1982—1984 годах. Генеральный секретарь ЦК КПСС (1982—1984), Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1983—1984). Председатель Комитета государственной безопасности СССР (1967—1982). Секретарь ЦК КПСС по идеологии в 1982 году и секретарь ЦК КПСС (1962—1967), член Политбюро ЦК КПСС с 1973 года (кандидат с 1967 года). Депутат Верховного Совета СССР 3-го и 6—10-го созывов. Герой Социалистического Труда (1974), кавалер четырёх орденов Ленина (1957, 1964, 1971, 1974)».

Он надел эти носки для этого бессовестного источника, вырядился, чтобы сделать свою работу. Ему надо выяснить, есть ли у этого типа совесть. Это был один из нескольких информаторов, назначенных ему службой государственного контроля, где Шмаков Андрей Борисович под кодовым именем Фрол подрабатывал куратором.

- Так значит не стыдно за разбитое стекло?
- Не было такого.
- Так за что тебе стыдно?

Мужчина привстал на локтях, посмотрел через затемненные стекла очков в глаза Фролу и с выразительной серьезностью сказал:

- За бесцельно прожитую жизнь. Извините.

И, упав на раскладушку, многозначительно замолчал.

– Да уж, – протянул Фрол и погладил информатора по голове. – Не печалься. Давай запустим БЛА, взорвем этот завод к ядерной фене. От него столько сажи, небо синего не видно. А хочется неба.

- Ты не знаешь, почему аванс задерживают? – резко спросил информатор.

– Выходные, в понедельник начислят, – Фрол потянулся вправо и, отодвинув шторку, взял спрятанный за ней бинокль. – Хочешь посмотреть?

- Что я там не видел? – буркнул он в ответ.

– Кажется мне, что там кто-то подает сигналы? Надо новый бинокль купить. Этот я в театре украл, стыдно до сих пор.

– Верни, не мучайся, я тебе в следующий раз подзорную трубу принесу, если зарплату повысят.

- А что обещали?

– Пока не обещали, но когда-нибудь это должно произойти. Ты где семечки покупаешь, хорошо успокаивают.

– Бабы глухонемые в электричке торгуют. Наверное, подсыпают добавку. Сам я не щелкаю, а хомяки за обе щеки хомячат.

И мужчины непринужденно засмеялись. Потом помолчали, Фрол смотрел то на свои носки, то вдаль на дым, мужчина в черном смотрел в потолок. Примерно через три четверти часа, уходя, информатор сказал:

– Стыдно-то как, – и громко хлопнул дверью.

Люди перестали умирать

Самые суровые мужики работают на кладбище. Они каждый день видят горе. Вечером переодевшись, сняв фуфайки и сапоги, они садятся в новые «Москвичи» и едут к своим семьям. Те, у кого нет семей, идут в свою холостяцкую берлогу.

Бригадир могильщиков Василий Тудакин раз в неделю устраивал для своих ребят тимбилдинг. Он называл его – разгрузочный день. Мужики сходились не в пивной, а у Тудакина в гараже. На перевернутом водочном ящике раскладывали закуску, наливали по полному стакану водочки и выпивали. А потом долго разговаривали, спорили, ругались, мирились, орали, махали руками, некоторые даже соскакивали с места. Особенно любил подпрыгивать из-за стола Артур. Не сиделось ему на перевернутом ведре.

– Да, ёшин кот, – возмущался он, нависая над товарищами.

– Сядь, – просил Василий. – Не толпись, бро.

– Спокуха, начальник, – отвечал Артур и садился.

Третьим в бригаде был умудренный опытом старый матрос Воронин. К сорока годам он многое прошел, служил по контракту, сидел по хулиганке, работал рыбаком в океане, а когда остепенился, приехал в родной город, взялся за ум и пошел копателем на кладбище. Этим вечером орали за политику.

– Тебе чо мало? – спросил Воронин.

– Не, ну на круг-то получается столько же, – ответил Артурчик.

– У тебя есть, что предъявить, бро? – нагнулся к нему Василий.

– Бригадир, да ты чо.

– Тогда, о чем базар? – отрывая голову кильки, уточнил Воронин.

– Вы чо не видите, одних молодых привозят, – не успокаивался Артур.

– Тенденция, однако, – осадил его бригадир.

– Время такое, – подытожил Воронин и налил по сто грамм.

– Будем, – поднял стакан бригадир Тудакин.

– Будем, – ответили копатели и выпили.

– Сука, – вдруг выругался Артур. – Ну вы, чо не видите, стариков не хоронят, одна молодежь.

– За молодых больше на лопату кидают. Я не пойму, тебе это как ё... – и Воронин осекся, в коллективе старались не материться. Бригада боролась за звание «Отличники культурного поведения в быту и на работе».

Два терапевта, надев шапки, пошли на ближайшую сопку. Один полбутылки лелеял в кармане, другой приберег плавленный сырок. Люди они были интеллигентные и слушали русский рок. Один терапевт работал в областной больнице, другой принимал на дому и, как мог, облегчал людям страдания, чаще выезжал к запойным ставить капельницы.

На вершине сопки стояли качели. Сognaв влюбленных, приехавших из соседнего села провести романтический вечер в городе, доктора привычно расположились и собрались уже выпить, как из-за тучи, блестя лопастями, вылетел самолет, в котором они не узнали личный лайнер известного банкира.

– Низко пошел, – заметил доктор Исаак Израилевич Зурбаган.

– К плохой погоде, – пошутил доктор Александр Александрович Тимошкин.

– Погода в этом году прекрасная, – поддержал разговор Исаак Израилевич.

– Грех жаловаться, – покачав рано поседевшей головой, согласился Александр Александрович.

– Был у меня случай, коллега, – начал Зурбаган.

– Прошу не начинайте, дорогой Исаак Израилевич, – прервал его Тимошкин.

– Как хотите, интереснейший случай, – сделав большой глоток коньяка из горлышка, Исаак Зурбаган попытался заинтересовать товарища.

– Закусывайте, доктор, – Тимошкин протянул коллеге сырок и, приняв бутылку, произнес. – Ваше здоровье.

– Благодарю, дорогой.

– И вы очень любезны.

Они раскачивались на качелях, смотрели на дорогу, уходящую мимо гаражей в чистое поле, выпивали, закусывали и вели светскую беседу.

– Картошку выкопал?

– Какой невероятный урожай, почти двадцать ведер с сотки. Три дня копал, сначала свои восемь соток, потом тестя шесть.

– Как тесть?

– Удивительно крепкий, бегают. Как ваши?

– Благодарю за заботу, молодцом старики.

– Да уж, продолжительность жизни заметно увеличилась.

– И качество медицинского обслуживания.

– За это, уважаемый коллега, надо выпить.

И они продолжили качаться, пока не кончилась бутылка, потом спустились с сопки, прошли вдоль гаражей, вышли на центральную улицу и расстались на перекрестке. Один пошел домой, другой на дежурство. Подходя к приемному покою, Зурбаган увидел, как подъехала скорая помощь, санитары вынесли носилки, накрытые окровавленной простынкой.

– Не ко мне, – успокоил себя Исаак Израилевич и вошел в больницу.

Раньше в его отделении больше половины коек занимали пенсионеры, как говорит статистика – люди возраста дожития. Но за двадцать один день, что Зурбаган вернулся из отпуска и занял место исполняющего обязанности заведующего терапевтического отделения центральной клинической больницы, стариков в отделении стало заметно меньше. Обычно они умирали или их отправляли домой, чтобы не портили показатели, и спокойно доживали последние дни дома, но теперь они почему-то стали выздоравливать. Если бы это можно было списать на качество современной медицины, то Исаак Израилевич возрадовался бы и благодарил Бога. Но он стал замечать, что новые старики не поступают. На первом рапорте он доложил главврачу, что у него освободилось три койки, через день – пять коек, а через две недели у него было всего пол-отделения, и всё молодые хроники. Это наблюдение не давало ему покоя, но с кем из коллег он не начинал разговор, ему отвечали:

– Уважаемый Исаак Израилевич, качество медицины растет, заметно увеличилась продолжительность жизни. Отстаньте уже.

Анатолий Петрович, полных семьдесят шесть лет, стал нормально ходить в туалет. Соседка его Глебовна много лет жаловалась на колени, а вчера он видел, как она руками, без швабры, мыла пол на лестничной площадке.

– Доброе утро, Валентина Глебовна, – сказал он ей, перешагивая ведро.

– И тебе не хворать, – ответила старушка шестидесяти шести лет. Сегодня шестьдесят шесть лет – это не возраст, но Валя пятьдесят из них проработала в шахте.

– Как самочувствие? – поинтересовался Петрович, он иногда по-соседски помогал женщине. Мог по дороге купить молока или хлеба на базаре, там было на пять копеек дешевле. Валентине хватало пенсии на еду и квартплату. Она не жаловалась. Жила с достоинством ветерана труда.

– Нормально, соседка, – улыбнулась Валентина, – начала настойку пить и как будто помолодела. Смотри, пол помыла.

– Дай Бог всемилостивый вам здоровья, – поклонился ей Анатолий Петрович, игриво шлепнув бабенку по заднице. И, засвистев мелодию «А я иду, шагаю по Москве», шмыгнул в свою одинокую четырехкомнатную квартиру с окнами на три стороны света.

После обеда Валя надела нарядную шляпу и пошла к Светлане Петровне. Они давно познакомились в поликлинике. Валя несла Светке настойку, сделанную по рецепту, присланному забытой родственницей по матери, не вернувшейся после войны. Рецепт был простой. Валя даже не поверила, но сделала. И случилось чудо, после четырнадцати дней употребления настойки по утрам натошак она стала нагибаться, перестали кружиться голова и слезиться глаза.

Света сидела с подружками на лавочке у подъезда. Все соседские бабки вышли в этот хороший день подышать свежим воздухом. Старушки что-то шумно обсуждали, а самая бойкая из них громко говорила:

– Не пейте американский аспирин. Как только я перестала его пить, так у меня сразу давление упало.

– Не кричи, я не глухая, – грубо осадила бабку дама очень преклонных лет.

И все замолчали. Слышно было, как голуби воркуют на крыше соседней сталинки. И только стук челюсти, выпавшей у Светы в мусорное ведро, которое она поставила у ног, вывел из ступора эту душевную компанию подружек.

– Што? – шамкнула Света, вынимая челюсть из ведра.

– Минерва Сергеевна, аппарат купила, что ли? – спросила пожилая женщина в платочке.

– Нет, – ответила Минерва Сергеевна и стала заваливаться на бок.

В этот момент и подошла Валя, все кинулись помогать повалившейся в обморок Минерве. Старушки махали на нее шляпкой, били по щекам, быстро достали валидол. Общими усилиями привели даму в чувство.

– Надо вам домой, – предложила Валя.

– Конечно, надо, – согласились присутствующие и стали расходиться, как заговорщики с конспиративной квартиры, по одному в разные стороны. А Света и Валя взяли Минерву под локоточки и повели в подъезд.

Поздно вечером Валя возвращалась домой. Она смогла убедить Светку, что надо пить настойку.

– Говорю тебе, сама делала, на себе попробовала, помогает, – повторяла она как заклинание.

А Светка, почтенная дама семидесяти двух лет отроду, уверяла, что не надо.

– Опасное самолечение. Я таблетки пью и буду пить. Мне их Сан Саныч прописал, хорошие таблетки, помогают. Надо к нему зайти, яичек занести, огурчиков, салыца шматок. Хороший доктор. Ладно, давай свою настойку, если принесла. Не тащить же обратно, – позволила себя уговорить Светлана Петровна и приняла поллитровку, заткнутую морковкой.

Добравшись домой, доктор Александр Александрович развалился в кресле, открыл томик Чехова и позвал кота.

– Понимаешь, Мурзик, – поглаживая кота за ухом, говорил Тимошкин. – Если люди перестанут болеть и умирать, непонятно, куда повернет цивилизация.

Не знал он, что она уже временно повернула.

Пропала связь

– Здорово, как дела? – орал в телефон Федя из водоканала. – Дай номер отца.

Когда Федя слушал ответ, он морщил лоб. Было видно, как он сосредоточен, слушая собеседника, но потом продолжал орать.

– Да мои трубку не берут, а мне надо поговорить. Переживаю я, чо у них там. Дозвониться не могу. А ты своим звонил?

Федя замолчал и опять наморщил лоб.

– Давай заеду, я скоро, – он бросил телефон на пассажирское кресло и повернул направо. Заместитель директора водоканала решал разные дела, как пелось в старой песне «без воды и ни туда, и ни сюда». Сегодня, проснувшись, он вспомнил, что надо поехать к родителям и помочь им с водой. Пора поменять счетчик, поправить скважину, слить из огородного водопровода воду, чтобы зимой не перемерзла.

Федор Владимирович давно переехал в город и сделал приличную карьеру. Родителей он не забывал, привозил им на все каникулы внуков, сам часто бывал и помогал по хозяйству. Родители присылали овощи и мясо. Несмотря на пожилой возраст, они держали корову, телку и бычка, дюжину овец и две козы. Каждую весну брали бройлеров на откорм, десяток гусей и столько же индюшек. Кроликов и поросят не держали. Отцу было жалко кроликов, это травмировало внуков. Однажды они купили кролика, и внучка Настенька летом играла с ним, а когда приехала на осенние каникулы, пришлось соврать, что кролик ушел к своим двоюродным братикам зайчикам в тайгу. Девочка сильно переживала и спрашивала:

– А его там серый волк не слопаёт?

– Не слопаёт, внучка, – успокаивала её бабушка и угощала пирогом с крольчатиной.

А поросят в их деревне испокон веков никто не держал по неизвестной причине.

Машина въехала во двор многоэтажки, у крыльца второго подъезда стоял Федин одноклассник Эльдар.

– Короче, мои тоже трубку не берут, – озадачил он друга.

– И чо?

– Может у них свет вырубило?

– Вариант. Я не подумал, – согласился Федя и как-то сразу успокоился.

– Может, работы на вышке, всякое бывает. Ты зря волну поднимаешь, – Эльдар артистично разводил руками в стороны. Он был бывшим артистом кукольного театра, ушедшим из искусства по семейным обстоятельствам. Бывшая жена поставила ультиматум: зарплата или искусство. Он размяк и, чтобы сохранить семью, выбрал зарплату. Но это их не спасло.

– Чо-то паника у меня, – признался Федя. – Ладно, поеду на работу.

– Забей, пошли чаю выпьем, работа не волк. Когда ещё заедешь.

Эльдар так убедительно уговаривал, что Федя согласился.

– Переживут, – махнул он рукой и пошел пить чай с конфетами. У Эльдара всегда были конфеты, это знали все его приятели, зубов у него давно не было, а конфеты были. Мать с детства предупреждала его:

– Будешь есть много сладкого – зубы испортишь.

Она знала, что говорила. Маму надо слушать, а Эльдар не слушал.

Пузатый трехлитровый чайник стоял на столе, в большой вазе лежали конфеты, мужчины громко швыркали горячим чаем.

– Надо бывшей позвонить, – Эльдар перевел разговор на женщин и схватил телефон. Набрал номер, послушал и озадаченно сказал: – Не отвечает. Я ей денег должен.

– Поехали к Ленке, – предложил Федя.

– А поехали, – весело согласился Эльдар.

Бывшую жену он не любил, но скучал по тем временам, когда она была рядом. Допив чай, примерно через час они неспешно вышли из дома. Проехав пару кварталов, свернули с проспекта Передовиков во дворы облезлых хрущевок. В одной из них жила Ленка с матерью. Бывшая жена у Эльдара была симпатичной бабёнкой, но больно упертой, за что и была отправлена к матери.

– Лен, – крикнул Эльдар, задрав голову. – Лена!

Из окна второго этажа выглянула милая женщина немного старше тридцати лет в бигудях и ненакрашенная.

– Тебе чего? – удивилась она и добавила: – Привет, Федь.

– Выходи, дело есть, – скомандовал её бывший.

– Щас, пять сек, – было непонятно, она правда так быстро выйдет или издевается.

Но минут через восемь она появилась в джинсах, подчеркивающих её круглую задницу, и в белой майке с глубоким вырезом. Но Федя и Эльдар не повелись. Для одного она была бывшей, для второго вообще посторонней женщиной, у него есть жена и знакомая медсестра из урологии.

– Привет, давно не виделись. Деньги привез? – наехала она на Эльдара.

– А ты чо трубку не берешь?

– А ты звонил?

– Звонил.

– А у меня нет, – и она потянулась в задний карман за телефоном, левая сиська почти выпрыгнула из декольте, но удержалась. – Нету у меня пропущенных!

– Ладно, все равно приехали.

– Рассказывай, как дела, – потребовала она отчет у бывшего.

– Нормально.

– Всё у него нормально, Федь, – и она повернулась к Федору. – Ты видел, как он живет, где там нормально?

Федя ничего ненормального в квартире друга не заметил, всё было обычно: стол, диван, на кухне табуретки, плитка, красивый чайник, на столе конфеты, коврик у двери.

– Зайдете? – спросила Ленка.

– Пошли, – ответил Эльдар, взял бывшую жену под руку и пошел в подъезд. Федя двинулся за ними, все равно он уже забил на работу.

В дверях их встретила Светлана Петровна, бодрая пенсионерка, знавшая все новости от любимых соседок, с которыми каждый день обсуждала самые горячие сплетни.

– Здравствуйте, – сказали мужчины.

– Здравствуйте, – ответила Ленкина мать. Когда-то дочкин муж ей даже нравился, но недолго. А после их разъезда она мечтала, что Елена вернется к нему и сделает из этого артиста настоящего мужика. Она в своё время сделала из Ленкиного отца хорошего мужа. Только он умер молодым, сгорел на работе, но кооперативную квартиру купили. Видимо, дочь пошла в отца – настойчивости маловато.

– Мам, дай телефон, – крикнула Ленка.

– Возьми, – парировала Светлана Петровна и не перестала пристально смотреть на бывшего зятя.

Ленка поюзала мамкин телефон и положила его на стол.

– Не работает. Я себе набрала, гудки идут, а у меня не звонит.

– Сбой на вышке, наверное, – сказал Федя. – Я в деревню дозвониться не могу.

– И я не могу, – добавил Эльдар.

– Там по телику не говорили? – спросил он бывшую тещу, не называя её по имени. Эльдар считал, что у них с тещей хорошие отношения.

- Не идет телевизор. Профилактика, – буркнула теща.
- Вот, – повернулся он к Феде. – Профилактика у всех.

И напряжение спало. В доме стало светлее, на лицах появились улыбки. Светлана Петровна даже предложила пройти на кухню, но мужчины наотрез отказались. Ленка, пропуская Федю, непроизвольно прижала Эльдара грудями к стенке. Он глянул на них как на домашние тапочки и сверкнул золотой коронкой.

- Пока, Ленусик, – звонко чмокнув её в щеку, бывший муж хлопнул дверью.

Машина ехала по проспекту, Федя пропускал пешеходов, что в их городе делали только бюджетники. Он довез друга до ближайшей «Узбечки» и поехал домой, где к ужину его ждали дети и жена-бухгалтерша. У Феде была благополучная семья, благополучный дом, благополучная жизнь и планы на много лет вперед. Он знал, что выйдет на пенсию, вернется в деревню, отремонтирует дом, посадит сад, выкопает пруд и заведет рыбу. Дети вырастут, закончат институт. Дочь выйдет замуж, сын женится, у Феде будут внуки и солидный капитал, который он собирает на левых подрядах в водоканале.

- Дома было тихо. Все сидели насупившись.
- Привет, – чересчур возбужденно крикнул Федя.
- Привет, – мрачно ответила жена, а дети промолчали.
- Вы чо?
- Интернета нету, – ответил сын и заплакал.
- Перестань, это профилактика, – он постарался успокоить мальчика.
- Какая профилактика? – спросила дочка.
- Помнишь, бывает в телевизоре профилактика?
- И на радио бывает, – добавила жена.
- Глобальная профилактика, – снимая пиджак, сказал Федя.
- А чо делать? – спросил, вытирая сопли, сын.
- Книжку почитай, – предложила жена.

Федина жена хоть и была бухгалтером в тресте рабочих столовых, но детей старалась воспитывать культурными. Пыталась контролировать их в интернете, заставляла читать книги, водила на Новый год в театр. Дети проигнорировали её предложения и мучительно смотрели в пол.

– Давайте в дурака поиграем, – предложил Федя. Когда он был маленький, а свет в их деревне давали по часам, потому что не хватало солярки для дизель-генератора, они с родителями играли в карты.

- А где карты? – подскочил сынишка.
- Карты, – капризно проворчала дочка. – Глупая игра.

И они сели играть в передвижного дурака, а потом пораньше легли спать.

Утром связь так и не появилась, и даже радиола не шипела.

Конная армия объединенной бригады

Парни поскакали в райцентр, но и там ничего не узнали. Первые конные разъезды стали появляться почти сразу, как только начались мутные времена. В отдаленных деревнях кончался бензин, и пришлось пересест на коней. В этой удивительной окраине кони даже во времена развитого прошлого были важным транспортом и колбасой.

– У меня три коня, – хвасталась деревенская матриарх баба Таня.

– Богатая, – кивал ей в ответ приезжий отдыхающий.

Кони бродили в горах, удивляя туристов свободой.

– А они дикие? – спрашивали туристы экскурсовода.

– Хозяйские, – отвечал он, – на свободном выпасе, надо будет – поймают, а пока пасутся на воле.

– Их никто не ворует? – интересовались москвичи.

– За конокрадство страшное наказание, живьем закопают в муравейнике. Раньше коров воровали, а теперь не знаю, – делился информацией опытный экскурсовод Пантелеев.

– А покататься можно? – не унимались туристы.

– За деньги – да, – с деловым видом отвечали местные.

Когда в пять лет мальчика усаживают на коня, то к десяти годам он срастается с животной, и вместе они – кентавр.

Молодые парни собирались небольшими группами у гастронома на центральной улице райцентра. Кони стояли привязанные к соседним столбам, к бамперам грузовиков и к водосточной трубе. Парни сидели на корточках вокруг магазина и обсуждали неизвестное будущее.

Через два дня директор магазина не выдержал и вежливо попросил отойти, но ему объяснили, что сейчас не до него и шёл бы он в сад, не раздражая молодежь. Пришлось вызывать милицию и уважаемых людей.

Милицию послали туда же, куда отправили директора магазина, а с уважаемым человеком вежливо поговорили и, послушав доброго напутствия, отъехали в сторону. Молодые всадники перебрались на окраину села.

В некоторых райцентрах молодежь на конях кучковалась на стадионе. В другом районе, где жених украл члена партии, парни тусовались на поляне, где летом устраивали народные гуляния. С каждым днем группы молодых людей на конях увеличивались, им было непонятно, что делать. Информации не поступало.

Пока был бензин, редкие автомобили привозили скудные сведения, из которых становилось ясно, что всё не так однозначно. Появлялись лидеры, в город отправили связных. Но все, кто уходил, не возвращались. От безделья кипел разум, и в какой-то момент каждая группы отдельно от других приняла решение двигаться по направлению к центру.

– В город, – кричали парни. – Там все узнаем, веди нас, командир.

И, привстав на стременах, никем не выбранный, но судьбой назначенный командир крикнул в ответ:

– По коням, братцы, на город за мной! – и сорвался в галоп.

Когда банда сорванцов уходила из деревни, старики и старухи вздыхали.

– Бог с ними, – крестила их в спину учительница Татьяна Львовна.

А начальник РОВД открывал сейф, доставал бутылку, наливал полный стакан беленькой и выпивал со словами:

– Пронесло.

Мир и тишина наступали в районе, но страх не проходил.

По мере продвижения к отрядам примыкали новые всадники. Командиры, имеющие опыт службы в вооруженных силах, делили отряды на взводы, эскадроны, назначали разведчиков и отправляли их вперед. В одном отряде появилось знамя, в другом – горнист. Договорились: если дует два коротких гудка, то всем стоять. Если два длинных – то всем вперед.

В деревнях перед появлением конного отряда закрывали сельпо, вызывали самого пожилого мужчину, который объяснял конной ораве:

– Ребятки, не грабьте, нам кушать будет нечего.

Молодежь смотрела на него голодными глазами и отвечала, что надо делиться. Приходилось соглашаться.

Продавщица выносила всё, что могла, и со слезами на глазах умоляла:

– Мальчишки, не громите, помрем с голоду.

В тех отрядах, где была зачаточная дисциплина, быстро сообразили, что лучше взять то, что дают.

Недалеко от крупного райцентра случилась первая стычка с Чудиками.

Разъезд разведчиков из семи всадников увидел несколько смутных фигур на старой дороге, ведущей к заброшенной пилораме. Приглядевшись, они поняли, что это Чудики. В это время о них никто ничего не знал, ходили только слухи. Разъезд поскакал как полоумный. Что там произошло, так и не прояснилось. Не доскавав примерно двести метров, всадники развернулись и помчались обратно.

Начальник разведки допрашивал каждого кавалериста в закрытой комнате, но никто не мог объяснить, почему они развернулись и ускакали.

На бывшей вертолетной площадке в Загудайске столпились люди и кони. Кто-то вспомнил, что видел книгу о Чапаеве, и там был комбриг, слово понравилось, и постановили, что командир всех отрядов должен называться комбригом. Из администрации прибыл замглавы района по работе с молодежью. Он предложил назначить командующим начальника местного МЧС, но вольница крикнула:

– Гыть его.

Замглавы сориентировался и ускакал. Кто-то крикнул:

– Гайгородова в комбриги! – и тьма молодых голосов поддержала его.

Лёха Гайгородов выехал на середину, поправил бейсболку, поднял руку, помахал и согласился быть комбригом объединенной конной армии.

– Командиры ко мне, – был его первый приказ.

Парни долго совещались и решили, что надо разбиться на группы и продвигаться ближе к центру разными путями. В центре есть информация и больше супермаркетов, чем в отдаленных районах.

Вторым Лёхиным приказом было выбрать начальника разведки. Он должен был организовать сбор информации и наладить связь с остальными отрядами для координации действий. Толян Гилёв сказал, что один начальник разведки не справится, и нужен начальник связи. Его и назначили связистом.

Лёха со своим штабом, в который вошли Толян и назначенный начальником разведки Мерген, двинулись вдоль главной магистрали, а другие три отряда отправились другими маршрутами, кто напрямик через горы, а кто обходными путями вдоль рек.

В городе о стихийно возникшей конной армии ещё не слышали. Туда успели доложить, что в крупных селах образовались молодежные банды всадников, но то, что они организовались в армию и двигаются маршем с нескольких сторон к столице, не догадывались.

Если бы и догадались, всё равно ничего предпринять не могли, не хотели и не умели.

Конная армия, растянувшись вдоль тракта, передвигаясь, где рысью, а где шагом. На ночь вставали лагерем, занимали пустые турбазы, варили мясо, ели от пуза и ржали. Смех в лагере стоял адский.

Женатики радовались, что свалили от забот, холостые мечтали, что придут в город, а там их встретят с цветами и кинутся на шею с поцелуями.

– Мужики, – говорил чернявенький пацан, подбрасывая в костер дрова. – Кого нам делать, землю надо защищать.

– И баб дрочить, – поддакивал ему рыжий. – У нас в деревне ваще нормальных баб не осталось. Они все в город поехали учиться, а я на ферме должен корячиться и дрочить.

– Защитим землю – будет тебе баба, – внушал ему надежду чернявый.

– Точняк, – мечтательно отвечал рыжий.

Луна выходила из-за горы, кони бродили у речки и фыркали. Парни засыпали сытыми под звездами у костра. В штабе догорала свеча. Лёха храпел, развалившись на двухместной кровати. Толян спал на диване, а в соседнем номере начальник разведки писал отчет на имя генерала главного управления безопасностью объединенных наций. Он не знал, чем кончится их поход, но понимал, что после победы когда-нибудь обязательно потребуют отчет. А у него будет ответочка.

Самый секретный военный округ

Самое рыбное место было выше по течению, но туда никто не ходил, потому что это секрет. Всё в этих местах было тайным. Никто не знал, что в самой дальней деревне этой райской территории во все времена существовал секретный военный округ.

Две с половиной тысячи лет назад в этих местах свою военную базу держали племена скифов, а во времена первого тюркского каганата тут тайно окопались голубые тюрки, а за ними – белые ойроты. Так хорошо окопались, что их не смогли выкурить даже в советское время. Пришлось договариваться, подкупать население чинами и деньгами.

В этих местах невозможно купить одного начальника, милиционера или директора школы, нужно покупать народ. Столичные чиновники не хотели, но вынуждены были платить уже триста лет. Они жаловались в докладных записках, что средства уходят, а местные жители не сознаются, в чем их военная тайна.

Как только на кромке территории появлялись неприятели, секретный военный округ поднимался по тревоге. Каждый житель в глубоком каньоне знал, где его место, где спрятан пулемет и куда бежать к артиллерийскому расчету. Иногда слухи о военной мощи этого округа просачивались в СМИ, но никто не мог поверить в такие байки, и всё списывали на фантазию безумных конспирологов.

Но фэсэошники, когда великий самодержец летел на вертолете со своей дачи на дачу военного министра, на всякий случай выбирали обходной маршрут.

Странные это были места. Недалеко от моря, в глубине каньона, на берегу реки стояла деревенька. На выезде из неё к покосившемуся столбу была прибита табличка: «Основано в 17 веке». Другой информации об этой деревне в архивах не отыскать. О ней не писали путешественники, не вспоминали императорские разведчики, и только в советских документах значилось, что в одна тысяча девятьсот тридцать третьем году единогласно был организован колхоз имени Тельмана, и более ни отчетов, ни доносов.

Жители деревни занимались традиционным хозяйством, держали коров, коней, коз, овец, пасли их на лугах вдоль берега большой реки, разрезающей каньон на две части – светлую и темную. Летом в ущелье было жарко, скалы нагревались на солнце, и становилось горячо, как в духовке. Зимой по ущелью дул ветер, и с такой силой раскручивал ветряки, что они были как сирены. А как воют сирены, местные жители хорошо знали, поэтому предпочитали не выходить в море на лодках. За тысячу лет много людей утонуло в глубоком море.

В самые сильные морозы, когда по долине свистел убийственный ветер, на море громко пел ихтиандр, и песня его была невеселая. Только самые смелые селились на берегу моря.

В это узкое ущелье было трудно попасть, не зная фарватер. На берегу жил смотритель по прозвищу Путин, и никто не мог пройти незамеченным. В ущелье вообще никто не мог остаться необнаруженным. Потому что с другой стороны тайные тропы вели через перевалы и надо было спускаться по осыпающимся склонам. А далее, единственная дорога петляла по кустам рододендрона между камней. И через каждые пять километров под скалой в уютном месте, куда не задувает зимняя выюга, где летом не печет солнце, стояла деревянная юрта, и лежали собаки, завидев человека, они поднимали громкий лай. У каждого перевала жили хорошо обученные охотники и пастухи, знающие, что делать, если вдруг в ущелье начнут спускаться незнакомцы.

Тут не ждали пришлых. Бывало, что какой-нибудь инородец приживется, может даже станет другом местному жителю. Его начнут принимать в доме, позволят ночевать, но ни одного пулеметного гнезда, ни тем более установки залпового огня, замаскированной под руины кол-

хозной фермы, он не увидит. Даже пьяный местный житель ни за что не проболтается, где оборудованы доты и дзоты.

Несколько раз власть хотела дознаться, в чем тайна этого секретного военного округа, но не смогла. В конце советского времени в долину под видом туриста забросили глубоко интегрированного разведчика. Он исполнял роль экскурсовода, водил мимо деревни группы туристов, рассказывал им о горах и водопадах. К нему привыкли и стали узнавать, приглашали в гости, занимали у него деньги. Хотели женить на своей, чего ни с кем не случалось со времен скифов, но даже через 30 лет он так и остался для местных – интервентом.

В главном разведывательном управлении ООН считали, что этот агент единственный, кто подобрался к тайне военного округа, но в какой-то момент резидент перестал выходить на связь.

Судя по открытым источникам, он обосновался в середине ущелья на берегу реки, недалеко от белой каменной осыпи, снял европейский костюм, обмотался плюшевым покрывалом темно-вишневого цвета и рассказывает туристам, как познать мир. Все заработанные деньги он передавал в фонд защиты кузнечиков, а местный ветеран мировой войны охранял его покой. Туристы записываются к нему на прием чрез госуслуги, но многим он отказывал, не объясняя причины.

Хорошо известно, что фэсэошники допускали к нему премьер-министра, трех вице-премьеров, заместителя руководителя аппарата освободителя и серого кардинала.

Известно, что он не открыл им секрет тайного военного округа, наверное, до сих пор сам не знает.

Последние годы комендант секретного военного округа изменил доктрину. Если раньше это была закрытая территория и власти всех времен косились на их обособленное существование, то, приняв на вооружение современные достижения, посмотрев на бывшего пожарного, открывшего турбазу, все тоже кинулись разводить туристов. Толпы пришельцев повалили в долину, про которую несколько лет назад писали только в специальных отчетах под грифом особой важности. Туристы пёрли со всех сторон. Для удобства жители каньона прокапали дорогу и разрешили пользоваться ею безвозмездно. Изменилась не только экономическая политика, трансформировалась система скрытого наблюдения. Теперь каждый местный житель был в десять раз внимательнее, и на нем лежало в десять раз больше ответственности. Тайна стала в сто раз секретнее. А в самые потаенные уголки долины туристов по-прежнему не пускали. Им отводили отдельные участки пребывания, направляя на популярные природные объекты, и турики тащились к водопадам и к энергетическим камням. Но если какой турист, однако, полезет не туда, куда ему разрешили, то с ним неизвестно, что может произойти. При всей своей скрытности жители были доброжелательными и гостеприимными.

В те времена, когда в каньоне не было автомобилей и по бездорожью передвигались на тракторах, местные за небольшой презент готовы были отвезти запыхавшихся туристов хоть на край пропасти, хоть в топкое болото. В разговорах они всегда были открыты и радушны, но выпытать у них тайну так, и не удалось.

Один раз старая власть ввела в долину войска, объяснив это необходимостью охраны государственной границы. Примерно двадцать лет стояли военные отряды в поле у ручья. До границы с соседним народом от этих мест было километров семьдесят. Все понимали, что солдатики нужны не для охраны, а для того, чтобы оккупировать территорию. Ничего у них не получилось, соседние народы не стали выкаблучиваться и вступили в состав империи.

От военной базы можно в чистом поле разглядеть остатки фундамента казармы. Так и не узнали они секрет тайного военного округа.

Было время, когда округ начал бурно развиваться, случилось это в жирные годы строительства коммунизма, тогда власть готова была платить за молчание и смирение. В округе всё правильно оценили. И построили за деревней аэропорт. Два раза в день рейсовый вертолет

привозил почту и пассажиров. Молодежь потянулась в центр, получать образование. По морю запустили стратегический ракетный крейсер, замаскированный под баржу, но судоходство так и осталось недоразвитым. Море было не их стихией.

После развала старой империи, округ перешел на особый режим. С помощью друзей, которая освоилась в центре, запустили слух, что туристам ходить вдоль большой реки опасно. Слух распространился быстро, и это сыграло на руку бывшему секретному резиденту, который стал брать с путешественников за услуги проводника в пять раз дороже, чем до переворота.

С приходом новейшей власти в округе объявили двойной скрытый режим и окопались ещё глубже. Никто не замечал этих приготовлений. Прошлым летом казалось, что в ущелье действуют благоприятные условия для развития туризма. Тут и там строили турбазы, у деревни появилось кафе, жители продавали проезжающим молоко и хлеб, предлагали прокатиться на конях, улыбались и даже объясняли, куда можно ходить, а куда нет.

Но как только качнулся купол неба, началось мутное время, как только пошли слухи о Чужих, в самом узком месте на дороге почему-то упал большой камень. Всеми силами межрайонного ДРСУ, при помощи всех тракторов, его не смогли убрать. Туристы быстро закончились, коровы на лугах вздохнули с облегчением, козы перестали дергаться от резких звуков автомобильных клаксонов. Люди стали жить спокойно, как и три тысячи лет назад во времена скифов. Но если начнется, то они сразу займут пулеметные гнезда, доты и дзоты, засядут в засады на переправах и перевалах, и никто не пройдет в их узкий благословенный каньон, который тянется от самого синего моря до самых высоких гор.

Духи

На кухне перед телевизором на крашеном табурете сидел Володька, обыкновенный сотрудник отдела экспроприации районной налоговой службы. Ноги он поставил в таз с горячей водой. Каждый вечер он грел ноги в воде с горчицей. Двадцать четыре года назад, будучи духом в действующей армии, он промочил ноги, а потом застудил их на посту в барханах Каракума. С годами ноги стали нестерпимо ныть. После процедуры, укутав ноги Оксанкиной пуховой шалью, он ложился под одеяло и читал книги по психологии. Третья жена не выдержала психических опытов, которые Вова ставил над ней, и укатила в Центральную Америку.

У Вовы была счастливая жизнь. Женщины его любили, мужчины уважали, начальство не вызывало. Зарплаты не хватало, а взятки ему не давали, но добрые люди вознаграждали его за помощь. Сегодня принесли десяток яиц, ведро комбикорма и немного наличных. Вова не отказывал людям в их желании отблагодарить его.

По второй программе местного телевиденья показывали документальный фильм о Циолковском и покорении дальнего космоса. Володя очень любил смотреть документальные фильмы про космос, из бесконечного пространства он знал названия планет Солнечной системы и несколько звезд в зодиаке. По гороскопу он был рыбой. Последняя жена была – лев, а первая – водолей.

Когда телевизор рассказывал о смерти теоретика космонавтики, в углу зашевелилась шторка и качнулось пламя лампадки, освещающей в красном углу икону неразлучной троицы: матери, дочери и богини распродаж.

Вова понял, сегодня придется лечь поздно. Он очень любил ложиться пораньше, но, когда приходит дух, ему не откажешь. Вздыхнув, Вова вынул ноги из таза, вытер их насухо, надел теплые меховые чуни, задвинул таз в угол между ванной и уборной и полез в холодильник.

Этот дух любил молоко, а дух, который приходил в спальню, любил играть с перышком. Вова привязывал куриное перо к люстре, и дух забавлялся и не беспокоил. Некоторые духи не заходили в дом, они тусовались во дворе, один обожал скотину – накрутит у лошади косиц на гриве и успокоится.

Духи появились, когда Вова вернулся из армии. В один прекрасный день он ловил рыбу в быстрой реке и услышал разговор. Ему показалось, что на другом берегу, кто-то шепчется. Но там никого не могло быть. Вова хорошо знал места их родовой стоянки. Его семья тысячу лет пасла скотину в этом урочище. Вернувшись с рыбалки, дембель заболел. Мать думала – простыл, отец считал, что сын приволок заразу. Болело всё: голова, руки, ноги, живот. Парня отправили в большую больницу, приезжий профессор сказал, что это неизвестная болезнь и выписал антибиотики. Вовку привезли домой помирать. Но соседская бабка сказала, что надо показать мальчонку шаману из Шашикмана. Отличник боевой и строевой подготовки Вова наотрез отказался ехать к шаману, но его погрузили в коляску мотоцикла ИЖ и повезли по ухабам за сто двадцать километров в соседний район.

Дед Мамат посмотрел на парня и сказал:

– Пусть сам со своими духами договаривается. Вон у него за спиной стоят.

Как договариваться, Вова не спросил, и дед не дал наводку. По дороге домой Вова решил напоить духов водкой. Заехали в магазин, взяли ящик «Пшеничной». Закрывшись в бане по-черному, Вова стал их поить. На седьмой день, после непродолжительного похмелья, болезнь отступила. Духи ходили за Вовой как телки за выменем. Год он поил их водкой, а потом они взмолились и стали требовать молочка и песен.

Как только наваливалась хворь, Вовка ставил посреди комнаты единственный в их доме табурет, наливал в пиалу молока и начинал петь.

Духам очень нравились песни Пугачевой и «Гражданской обороны». Вова выучил песни Летова в армии, их громко пел однополчанин Серега. А Пугачеву по праздникам на проигрывателе «Романтика» крутила мама.

Вот и все, что было.

Не было и нету.

Правильно и ясно,

Здорово и вечно.

Все как у людей.

Все как у людей.

Все как у людей.

Все как у людей.

– мурлыкал Вовка, и духи, испив молока, успокаивались, исчезая где-то у него за спиной.

Понятно, что он никому не рассказывал о духах, могли вызвать на собрание и выгнать из бригады чабанов, которая участвовала в трудовом соревновании. Получив первое место и премию, Вова сразу женился, купил жене сапоги фабрики «Скороходка», фен и новое седло. Семейная жизнь закрутила его, завертела. Ему очень нравилась голая жена, и при любой возможности они самозабвенно трахались. Они любили друг друга везде; в спальне и на кухне, не успев доесть лапшу. Очень им нравилось заниматься любовью у реки. Сынок у них родился крепким. Малыш рос, щеки надувались, но весной его продуло на сквозняке, и ребенок заболел. Он долго плакал, весь горел, ему давали таблетки, но они не помогали. Взяв вечером сына на руки, Вова услышал за ухом голос:

– Не ссы, положи ему руку на грудь.

Вовка оглянулся и понял, что нет никого, это его духи. Терять было нечего, и он сделал, как сказали.

– Вторую руку положи на затылок, – прошептал дух.

– Совсем сбрендил, – произнес Вовка. – Голоса слышу.

Но сунул руку ребенку под голову.

– Повторяй, – приказал голос и запел на иностранном языке: «The mouse has pain, the cat has pain, the bird has pain and the baby does not have pain».

Вовка повторил непонятные слова, и сынок уснул. Утром ему стало легче, а через пару дней он бегал во дворе за курицами и кричал:

– Черт побери, черт побери, russo turista obbligo morale.

Через пару месяцев занемог отец и отказался ехать в больницу. Человек он был старорежимный, врачам не доверял, пил настои и лежал на потнике. Вова, приехал навестить родителей и рассказал им, что сын чувствует себя хорошо. Мать пожаловалась на отца и попросила помочь, надо приглядеть за отарой и отогнать стаю шакалов. Вовка остался у родителей, и вечером к нему пришли духи.

– Что делать будем? – спросил Косматый.

– Тебе больше всех надо, – ответил Бугай.

Вовка за это время успел разобраться с двумя духами, их он спаивал в бане, иногда за ними приплетался дух Мороза. От него веяло холодом, но, если ему поджечь лучину, он оттаивал и становился болтливым.

Косматый дух был среди них главный, и Вовка научился его уговаривать. Духи пошипели, потребовали еды, огня и решили помочь. Когда он положил по приказу Бугая руки отцу на грудь, то Косматый взял Вовку за ногу и забросил в бездонный колодец. Провалившись на дно, Вовка встретил там Мороза и даже обрадовался. Мороз обломил сосульку из носа и отдал Вовке. Как только он взял её в руки, она растаяла. Вовка вытер руки о штаны и почувствовал, что его тянут вверх. Бугай держал его за ногу и тащил из колодца. Очнувшись, он понял, что сидит рядом с отцом и смотрит на керосиновую лампу. К вечеру отец пошел на поправку.

– Блях, блях, – причитал Вовка, качая головой, когда его старый ИЖ прыгал на кочках по дороге домой. Жене он ничего не сказал, ей было всё равно. Она замутила с трактористом. И Вовка выгнал бабу посреди ночи. Тракторист ждал её у околицы и, включив фары, они понеслись на гусеничном тракторе по бетонке на другой конец деревни.

Второй раз он женился, когда закончил заочные курсы бухгалтеров в экономическом техникуме. Устроившись на работу в налоговую службу, Вовка стал завидным женихом. В их деревне жили старые девы и молодые вдовы с детьми. Каждой хотелось мужика, а Вовка был хорошей партией. Подобрала его казачка Оксанка. Смешливая баба с огоньком в глазах, коса у неё русая, задница толстая, титьки полные, как писали классики – кровь с молоком. Жар от неё стоял как от локомотива. Вовка видел локомотив только когда возвращался из армии, но бабу свою любил. Замерзла она в поле в суровую предвоенную зиму, когда морозы стояли под пятьдесят. Отправилась она в казахский аул собирать подписи на выборы по благоустройству муниципальной собственности. Машина заглохла, три активистки-агитаторши и с ними старый колхозный шофер по прозвищу Шумахер выпили для сугрева спирту. Нашли их на второй день у поворота на Язулушку. В деревню, где жили три старухи и сектант Петя Козловский, они не добрались всего пять верст.

Вовке нравилось жить с Оксанкой. Она варила жирный борщ, жарила котлеты размером с хоккейную шайбу. Любила выпить для настроения, и была так изворотлива в койке, что Вовка иногда забывал, где он – на Марсе или на Альдабаране. Деток они не нажили, и Вовка об этом немного горевал. Как-то сидя за столом, Оксанка обернулась и спросила:

– Что за черт пришел косматый?

Вовка сжался, испугался и зашипел:

– Цыыы.

– Не цыкай, зови за стол, – приказала она.

– Проходи, садись, – попросил Вовка Косматого.

И Косматый не заставил себя упрашивать. Оксанка весело болтала с гостем, гость краснелся от выпитого и начал было петь:

– Миллион, миллион алых роз...

Но в этот момент в комнату ввалился Бугай. Здоровенный двухметровый амбал с кулаками как шестнадцатикилограммовые гири и сказал:

– Пора нам.

– На посошок, – соскочила Оксанка и не выпустила духов, пока те не выпили китайской водки.

– Красавцы, – глядя им вслед, призналась Оксанка и потянула мужа в кровать. Она не любила беспорядочный секс. Ей нравились наглаженные простыни в мелкие цветочки.

Третья Вовкина жена улетела в космос, она поехала на вахту на космодром в джунгли Центральной Америки, и неизвестный француз алжирского происхождения уговорил её полететь вместо себя на Луну или на Юпитер. Этого никто так и не узнал. В деревню пришло письмо на французском языке. Было это в те времена, когда запрещали всё иностранное. За такое письмо всю деревню могли отправить на сбор ядовитого борщевика. Поэтому письмо даже не стали распечатывать. Когда времена изменились, брат третьей Вовкиной жены поехал в Париж требовать компенсации. Ему рассказали, как было дело.

– Но ейный брат так и не вернулся, предатель, остался в Париже, работает парикмахером в зоопарке, стрижет львам гривы и крутит жирафам хвосты. Его видели по телику в передаче «В мире животных», – сообщил уполномоченный межрайонного Службы безопасности председателю сельского совета, а тот уже пересказал Вове.

Остался Вовка со своими духами и сыном, который после окончания школы бросил папку и поехал на стоянку к деду с бабкой. Он оказался человеком традиций, в райцентре ему стало душно. Вовка был не против такого расклада. Сын вырос настоящим батыром. И обещал, если

кто обидит папашу, он любому оторвет голову или насквозь проткнет ржавой саблей, доставшейся ему от прадеда по материнской линии.

Духи стали капризными, притащили друзей и родственников. Часто устраивали склоки и праздники. Но мало-помалу Вовка ужился с ними. Мог даже попросить помочь людям. Лечил зубную боль, ВИЧ и гадал. Вовка многое знал наперед.

Птицы

Над большой дорогой кружились коршуны. Это был их охотничий участок, машины иногда давили сусликов, и птицы их подбирали. Коршуны заворачивали большие круги и почти зависали на встречном ветре. Потом медленно снижались и, если ничего не находили на асфальте, то поднимались выше, где восходящие потоки горячего воздуха позволяли им парить, не шевеля крыльями. Смотреть, как летает коршун – большое наслаждение. Это не ворона и не голубь, и даже не сокол.

Пара коршунов кружилась над дорогой, транспорта было немного, и, если машина давила суслика, коршуну хватало времени сцапать погибшего зверька. Среди хищников коршуны не самые благородные птицы, они могут жить на помойке, это не белоголовые орланы, не беркуты и тем более не соколы. В этих местах полигоны бытовых отходов встречались нечасто, и коршуны приспособились кормиться вдоль тракта.

Кружит себе пара коршунов, никого не трогает, высматривает еду, как вдруг на них со стороны обрыва налетают ласточки-береговушки. Наверное, коршуны пересекли невидимую линию их границы. Ласточки всегда защищают свой кусок неба. Они атаковали коршунов сверху и снизу, коршуны выворачивались, стараясь схватить маленькую птичку, но у них не получалось.

Куча мала в небе привлекла внимание ворон, но не вмешивались, а сидели на столбах и громко каркали. А голуби сразу присоединились к драке. Они большой стаей вклинились в самую гущу кучи. Ласточки опешили и отступили, но поняли, что голуби за них, и накинудись на коршунов. Видя такое дело, с высоты свалился степной орел, голуби испугались, отлетели в сторону, перегруппировались и напали на орла. Орел крупнее коршуна ему непросто отбиваться от голубей.

С оглушительным чириканьем от обочины дороги поднялись воробьи и ворвались в побоище, или это было не побоище, а только незначительный приграничный конфликт. Воробьи метались толпой, коршуны старались набирать высоту, но им не давали.

Из ближайшего леса в воробьиную стаю бесшумно врезалась сова, и перышки полетели в разные стороны. Все знают, что сова охотится ночью, но такой шум разбудит и мертвого. Сова развернулась и сделала ещё один заход, каждая атака приносила смерть мелкой птахе. Такой поворот событий охладил пыл нападающих, голуби отлетели в тень от облака, что позволило коршунам и орлу взмыть ввысь, а сова решила, что дело сделано, и спряталась в ёлки.

Но не тут-то было, из-за облака на коршуна упал журавль, а потом вылетела пара гусей, за ними три лебедя, и это сильно изменило картину небесной битвы.

Если сначала мелочь сражалась с крупными хищниками, то теперь большие птицы взяли на себя основной удар. Воробьи, голуби и ласточки, развернувшись, организованно напали на коршунов и орла.

В небе разносится птичий крик, и шум сражения привлёк внимание. Несколько ястребов приближались к месту разборок. Ястребы-тетеревятники на огромной скорости врезались в кучу малу, и тушки мертвых птиц падали на землю. Набирая высоту, коршуны пикировали в гущу битвы, перья летели в разные стороны. Сова, посмотрев на все это, вернулась и решила не мелочиться, она напала на журавля, но её сильно клюнул непонятно откуда взявшийся черный аист.

С востока, запада, юга и севера к месту питчей склоки подлетали основные силы. В небе там и тут были видны птичьи стаи. На бреющем полете в драку ввязались кедровки, было непонятно, на чьей они стороне, но кричали они грозно, а звук крыльев создавал эффект реактивного истребителя.

Грифы подтянулись посмотреть, что происходит, но на них напали певчие дрозды, соловьи, гаички, горихвостки и другие пичуги. Сороки не смогли сдержаться и примазались к происходящему.

Незаметно прибавилось хищников, скопа хоть и питается рыбой, но она – орёл. Морские птицы в этих засушливых местах встречаются редко, чайки и бакланы живут далеко и в местные разборки стараются не влезать, но тут такое дело, что нельзя было оставаться в стороне. Чайки бились с водоплавающими, они не жалели лебедей и гусей. А утками занимались бакланы, у них были давние разногласия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.